

№ 38 (488) Парижъ
15 Сентября 1934 г.

RUSSIE ILLUSTRÉE

Цѣна отд. № - 3 фр
11-й годъ изданія

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ Россия

Передъ банкетомъ...

Парадъ кулинаровъ

(См. въ этомъ номерѣ очеркъ о «Русской кухнѣ»).

Національная Лотерея

1934 года

Продажа цѣлыхъ билетовъ и частей всѣхъ 40 серій

Всѣ порученія въ Россію

Торгсинъ (3-8 дней съ обратной личной распиской)
Продукты, вещи новыя и ношенныя,
медицинаменты и проч.

A. GODOVANNIKOFF

30, Quai de Passy, PARIS - 16°
Téléph. JASMIN 01-50 - Métro: PASSY
Adr. Télégr.: Godovannikoff-Paris

RESTAURANT «СНЕЗ КОРНИЛОФ»

6, Rue d'Armaillé, prolongement av. Carnot. Tél.: Etoile 52-49

Ф. Д. Корниловъ просить своихъ друзей и многоуважаемыхъ
клиентовъ оказать ему внимание посвѣщениемъ его ресторана,
гдѣ ихъ ждетъ радушный приемъ и изысканный столъ.

„МОСКВА“

Старѣйшій русскій ресторанъ въ Парижѣ

7, rue Rauquet (около Etoile), tél.: Passy 21-25.

Гостепріимно, обильно и вкусно

Завтраки — 3 блюда, вино, кофе и кувертъ 16 фр.

Обѣды — 4 блюда и кув. 18 фр. Цѣны *à la carte* понижены. Дир. Н. Борисовъ.

ВОТЬ ГДѢ КОРМЯТЬ!!!

РЕСТОРАНЪ «СНЕЗ МЕНЕ»

9, г. Général Lanrezac et 2, г. Arc de Triomphe, près de l'Av. M.-Mah.

Во вновь расширенномъ и попрежнему уютномъ ресторанѣ

Вы найдете за 7 фр. *prix-fixe*, обильный выборъ вкусныхъ блюдъ.
Хозяйка Comtesse de Beaurepaire

Директоръ Саша Германъ.

Пансіонъ Танагосъ

ДЗИНТАРИ, Эдинбургскій просп. № 11

РАСПОЛОЖ. ОКОЛУ ДЮНЪ И ЛЪСА

Всѣ комнаты вновь отремонтированы.

Образцовая кухня.

Съ почтеніемъ

Евгенія Танагосъ

Латвія.

КНИЖНОЕ ДѢЛО

Ш. МИЛЬШТЕЙНЪ, Кишиневъ

(Румынія)

Ген. предст. «Иллюстрированной России».

Всѣ новинки русск. книжного рынка

Книги дооценныхъ изданій.

Списки книгъ — по первому требование

S. Milstein, Chisinau, str. Stefan cel

Mare, 146.

Banque Industrielle du Centre

85, rue Richelieu, Paris (2)

Tél.: Rich. 39-30

Старѣйшій банкъ по переводу денегъ въ Россію въ любой валютѣ.

Продовольств. посылки. Переводы и чеки на Торгсинъ. ПРОДАЖА БИЛЕТОВЪ ФРАНЦУЗСКОЙ НАЦІОНАЛЬНОЙ ЛОТЕРЕІ, а також Лотереи освобожденныхъ областей: цѣльными, четвертями и десятыми частями билета.

Русскій проспектъ по требованію. КОРРЕСП. ПО-РУССКИ.

Книги Е. Айсберга

перевед. на 13 яз.

«Теперь я понялъ радио» (попул. изд.)
Радіо - техника (теорія и практика)

Цѣна каждой книги — 15 фр.
Высып. налог. плат. по пол. 4 фр. марк.
Купивши или заказав. одну изъ книгъ до 20 авг. по адр. M-r Baliasny,

78, Av. des Champs-Elysées, Paris
участвуютъ бесплатно въ розыгрыши
билета Националь. Лот. 2 гр. № 92474, с. 28.

ПОКУПКА ДРАГОЦѢНН. И ЖЕМЧУГА
по наивысшимъ въ Парижѣ цѣнамъ.
Починка и передѣлка.

KERESTEDJIAN, 38, rue de Trévise
Tél.: 89-69.

ПРОД. И ВЕЩ. ПОСЫЛКИ ВЪ РОССІЮ
ДЕНЕЖН. ПЕРЕВОДЫ на Торгсинъ.

ЗЕМСКІЙ СОЮЗЪ

UNION DES ZEMSTVOS RUSSES
73, rue de la Victoire, Paris (9°); Tél.:
Trinité 52-73 et 52-74.
Métro: Ch. d'Antin et Trinité.

Болѣютъ

И ПРЕЖДЕВРЕМЕННО СТАРЫЮТЬ ЧАСТО ТѢ, У КОГО КРОВЬ ЗАСОРЕНА ЯДАМИ НАРУШЕННОГО ОБМЪНА (мочевой кислотой, уратами и пр.) Эти яды быстро растворяются и удаляются изъ организма извѣстнымъ очистителемъ «КАЛЕФЛЮИДОМЪ д. Калениченко», который одновременно насыщаетъ организмъ йодечно-энергеторными гормонами и жизнетворными витаминами, возстановляющими здоровье, силы и трудоспособность, и возрожденный организмъ опять пользуется всѣми радостями здоровой жизни. Калефлюидъ удостоенъ высшихъ наградъ 5 GRANDS PRIX и 5 большихъ золот. медаляй.

БЕЗПЛАТНО требуйте у насъ брошюру: «Леченіе болѣзней и продленіе актив. жизни»

КАЛЕФЛЮИДЪ ирадается въ болѣзни, анти-какихъ или вѣсѣль. налог. плат. по почтѣ. Пишите намъ по-русски: Laboratoire E. «KALEFLUID», Leriche-Pharm.; 66, Boulevard Exelmans, Paris (16°); Югославія: Marcovitch, Негошева 8, Belgrad; Румынія: M. Tatarsky, str. Isov 43. Bucarest. Польша: Варшава, D-r Fr. Wenda. Vronia 80.

№ 38 (488)

15 Сентября 1934.

Цѣна отд. № 3 франка.

11-й годъ изданія

Основ. М. П. Мироновъ

Редакція и Гл. Контора

24, Rue Clément-Marot

PARIS (8e)

Tél. Balzac 19-52

LA RUSSIE ILLUSTRÉE

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ РОССІЯ

№ 38 (488)

15 Septembre 1934

Prix du numéro: 3 fr

11e année.

M. Mironoff, fondateur

Rédaction

et Administration

24, Rue Clément-Marot

PARIS (8e)

Tél. Balzac 19-52

Въ теченіе этого мѣсяца подписчикамъ съ приложеніями разсылаются четыре книги «Литературныхъ приложенийъ»: Н. В. Гоголя, кн. 43 и 44 и И. С. Тургенева, кн. 51 и 52.

Л. Ф. Волькенштейнъ

Леонидъ Андреевъ

Къ 15-лѣтію со дня смерти

Леонидъ Николаевичъ Андреевъ началъ свою литературную дѣятельность въ восьмидесятыхъ годахъ въ качествѣ судебнаго репортера въ газетѣ «Курьеръ», въ которой онъ также печатать небольшие рассказы, написанные хорошимъ языкомъ и интересные по содержанію.

Онъ недурно рисовалъ красками и пополнялъ свой скучный заработокъ писаніемъ портретовъ.

Виѣшне Л. Н. быть очень красивъ. Стойкий, хорошаго роста брюнетъ; тонкое лицо съ жгучими глазами, черная бородка и роскошная шевелюра.

Носилъ онъ шелковую, яркаго цвѣта, ковровотку на выпускѣ, подпоясанную серебристымъ поясомъ-тесемкой, гдѣдевку и высокіе лакированные сапоги.

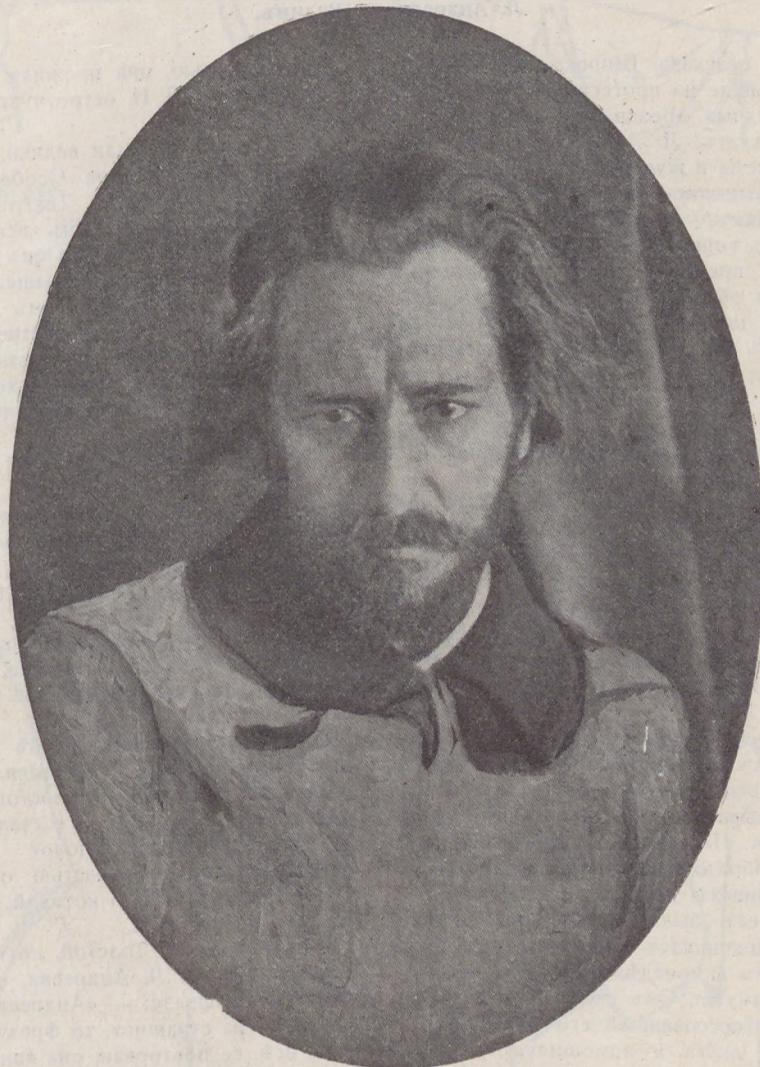
Виѣшность его была совсѣмъ не писательская.

Въ молодости онъ лелеялъ свою красоту, думалъ о ней.

Въ позднихъ дневникахъ его записано воспоминаніе: «...Пальто въ нашанику, въ вышитой рубахѣ иду по Очному мосту (въ Орлѣ) и смотрю на мелькающіе носки собственноручно начищенныхъ сапогъ... И сапоги красивы, и самъ я красивъ, а павстрѣчу плывутъ тоже молодая и красивая... И въ каждую я влюбленъ, и каждая смотрить на меня, но глаза у меня внизъ, или прямо передъ собою и видъ строгъ. Отъ застѣнчивости и самолюбія, отъ полнаго чувства, что я красивъ и на меня смотрять. Вѣроятно; я былъ очень красивъ, обѣ этомъ сочинялись мѣстныя легенды. Потомъ... несу свою красоту на домашнюю Пушкинскую улицу и чувствую съ каждымъ шагомъ, какъ все болѣе и болѣе нужно становиться эта красота...»

Приблизительно въ 1901 г. Л. Н. выпустилъ первую книжку своихъ рассказовъ, которую критика встрѣтила съ большими одобрениемъ. Создался и кругъ читателей, подобивший творчество молодого беллетристы-писателя.

Вскорѣ послѣ этого быть напечатанъ раз-

ЛЕОНИДЪ НИКОЛАЕВИЧЪ АНДРЕЕВЪ

сказъ его «Бездна», который вызвалъ бурю осужденія однихъ и страстную защиту другихъ.

Жена Л. Н. Толстого — Софья Андреевна помѣстила въ «Новомъ Времени» негодующее письмо, въ которомъ отмѣтила безнрав-

Артисты «Музыкальной Драмы» въ гостяхъ у Л. Андреева въ Финлянді (Слѣва направо): Е. Г. Ольховскій, М. С. Давыдова, Л. Н. Андреевъ, Я. С. Левитанъ, старшій сынъ Л. Андреева — Вадимъ.

ственность разсказа. Широкая публика обратила вниманіе на протестъ, исходящій изъ «Ясной Поляны». «Бездна» нашумѣла, ее читали нарасхватъ, Л. Андреевъ сталъ популярнъ. Газеты и журналы съ большімъ интересомъ отнеслись къ его литературнымъ произведеніямъ, охотно помѣщали ихъ и онъ быстро вошелъ въ первые ряды писателей того времени, сталъ извѣстнымъ и материально обезпеченнымъ.

Какъ всѣ настоящіе художники Л. Андреевъ творилъ прежде всего для самого себя, не думая кто и что скажетъ по этому поводу.

Большой успѣхъ вызвалъ въ немъ творческій подъемъ, кипучую дѣятельность и онъ писалъ много и разнообразно.

Л. Андреевъ не ограничивался творчествомъ беллетриста. — Все, казавшееся ему существеннымъ, интереснымъ въ государственной и общественной жизни, увлекало его, захватывало и у него являлась непреодолимая потребность подѣлиться своими волненіями, переживаніями въ самыхъ разнообразныхъ литературныхъ произведеніяхъ.

Его интересовало все, ему хотѣлось обнять все во всѣхъ мірахъ и царствахъ природы.

Это непрерывное горѣніе, постоянная спѣшка отзывались на содержаніи и качествѣ работъ. Несомнѣнно сказывался и недостатокъ образования, знаний при разработкѣ отвлеченныхъ темъ.

Л. Андреевъ бытъ на рѣдкость независимъ, не подчинялся вліяніямъ, не боялся обвиненій въ самонадѣянности, въ отсталости, въ безвкусіи. Онъ свободно стѣдовалъ за своей интересовавшей его мыслью.

Большаго друга и помощника въ своей работѣ Л. Н. папітель въ лицѣ своей первой жены Александры Михайловны. Близкій къ семье Андреевыхъ В. Вересаевъ говоритъ:

— Лучшей писательской жены и подруги я не встрѣчала. Она съ безконечной любовью и заботливостью охраняла условія жизни своего мужа, его талантъ, его творчество.

Къ несчастью, она прожила недолго. Послѣ смерти Л. Н. остро чувствовалъ свое одиночество.

Замыслы Л. Н. были велики, но исполненіе было недостаточное. Особенно это чувствовалось въ пьесахъ. Театръ увлекъ его съ особенной силой. Онъ искалъ новыхъ путей и ему казалось, что онъ нашелъ ихъ. Онъ мечталъ о театрѣ, насыщенномъ психологическимъ дѣйствиемъ. Онъ считалъ, что лучшій въ Россіи Художественный театръ уперся въ тупикъ и предсказывалъ гибель этому театру, такъ какъ Чеховский театръ съ его психологической утонченностью отживаетъ свой вѣкъ.

Отдавшись писанію трагедій и направлению театра по новому пути, Л. Н. написалъ «Анатему», «Жизнь человѣка», «Собачий вальсъ», «Тотъ, кто получаетъ пощечины», «Самсонъ въ оковахъ» и еще, и еще. Коеччто ставилось въ театрѣ, многое возвращалось

Его пьесы раздражали широкую публику, которая многого не понимала, возбуждали страстные споры и враждебные толки читателей и зрителей.

И въ литературной судьбѣ Л. Андреева наступило переломъ. Критика, въ первые десять лѣтъ, пѣвшая ему восторженные хвалы, охладѣла къ нему. Его стали низвергать съ высоты. Каждое новое произведеніе встрѣчало большую частью отрицательное отношеніе критики, за которой пошли широкіе круги читателей.

Когда же Л. Н. Толстой, по поводу иѣконасторъ писаній Л. Андреева, сказалъ свою знаменитую фразу: — «Андреевъ пугаешь, а читателю не страшно», то фразу эту подхватили всѣ, ее повторяли, она явилась сильной критикой. — И когда была поставлена трагическая пьеса «Черная маска», то зрители съ насмѣшкой, а иные съ озлобленіемъ, повторяли: «а мнѣ не страшно».

О томъ, какъ критики писали въ то время объ Андреевѣ, просто жутко рассказывать. По этому поводу А. Кипенъ пишетъ:

— Послѣ появленія «Жизни человѣка», Буренинъ выступилъ въ «Новомъ Времени» съ такимъ фельетономъ, который по своей грубости и безстыду превзошелъ все, что когда-либо было написано литературными хулиганами со временемъ открытія книгопечатанія.

О Л. Андреевѣ заговорили небрежно, развязнымъ, обиднымъ тономъ, какъ о человѣкѣ суетномъ, тщеславномъ, склонномъ къ рисовкѣ, къ театральности, къ публичному позорству.

Все это было и несправедливо, и жестоко. Сохранившееся письмо, посланное Л. Андреевымъ Льву Николаевичу Толстому, показываетъ, какъ искрененъ и скроменъ былъ Л. Андреевъ, честно относившися къ своимъ писаніямъ, къ своему творчеству, безъ самомнѣнія и рисовки, сознавая свое несовершенство во многомъ.

Приводимъ полностью это письмо-исповѣдь:

12 августа 1908 г.

Глубокоуважаемый
Левъ Николаевичъ,

У меня есть «Разсказъ о семи повѣщеныхъ», который я очень хотѣть бы посвятить Вамъ и прошу на это Вашего доброго согласія. Сейчасъ разсказъ напечатанъ въ «Альманахѣ», а съ 1-го января 1909 года я отказываюсь отъ права авторской на него собственности, предоставляемъ издавать его всякому желающему.

«Я хорошо знаю крупные художественные недочеты разсказа, во многомъ самъ рѣшительно имъ недоволенъ и въ оправданіе свое могу привести только то, что я бытъ нездоровъ, когда писалъ, и очень торопился. Думалось, что пусть лучше художественные недостатки, но выпустить теперь же, такъ какъ молчать нельзя. И если сейчасъ осмѣтываюсь просить о разрѣшеніи посвятить разсказъ Вамъ, то лишь потому, что полная искренность лежитъ въ основѣ его. Съ глубокой болью писалъ я, и не разсказъ, который плохъ, а свою боль приношу Вамъ, человѣку, всю жизнь мою, съ самыхъ раннихъ лѣтъ, стоявшему надо мною, какъ вспоменіе совѣсти и правды.

«Я знаю, глубокоуважаемый Левъ Николаевичъ, что многое изъ написанного мною очень не нравится Вамъ, и я знаю, что во многомъ Вы совершенно правы. Но силы мои ограничены, я часто не могу, не умѣю избавиться отъ недостатковъ письма, которые для меня очевидны, — повидимому, въ самомъ существѣ моемъ коренятся они и также неотъемлемы, неисправимы, какъ голость. Все-же я непрестанно борюсь съ ними, ибо слишкомъ часто они затмеваютъ то самое дорогое для меня, важное, что такъ важно и для Васъ — искренность. Но въ своихъ вѣщахъ я не былъ неискреннимъ, и только это даетъ мнѣ право обратиться къ Вамъ съ этимъ письмомъ и просить Васъ о снисхожденіи къ человѣку, который такъ любить Васъ и читать, и если не дѣлаетъ всего, что нужно, то лишь по недостатку сильнъ.

«Обычай требуетъ, чтобы въ концѣ, передъ фамиліей, поставить какое-то слово, которое говоритъ объ отношеніи, но я не могу найти ни одного такого слова, которое вполнѣ бы выражило, какъ я люблю Васъ и что значите Вы для меня. —

Леонидъ Андреевъ.

Таковъ былъ подлинный обликъ Л. Н. Андреева. И особенно грустно, что критики, говоря о несовершенствѣ и недостаткахъ твореній Л. Андреева, считали почему-то необходиимымъ и возможнымъ порочить его, уличить его достоинство, какъ человѣка.

РАЗГОВОРЪ

Рис. Mad'a.

— Русские разобьют японцевъ въ пухъ и прахъ!
— Ну, это еще неизвѣстно. Я увѣренъ, что японцы побьютъ русскихъ.

— Какъ? Вы желаете побѣды японцамъ?
— Да. Говорю откровенно: да! Пораженіе Россіи вызоветъ народное возмущеніе, и русскій народъ, наконецъ, сбросить съ себя цѣпи, которыя...

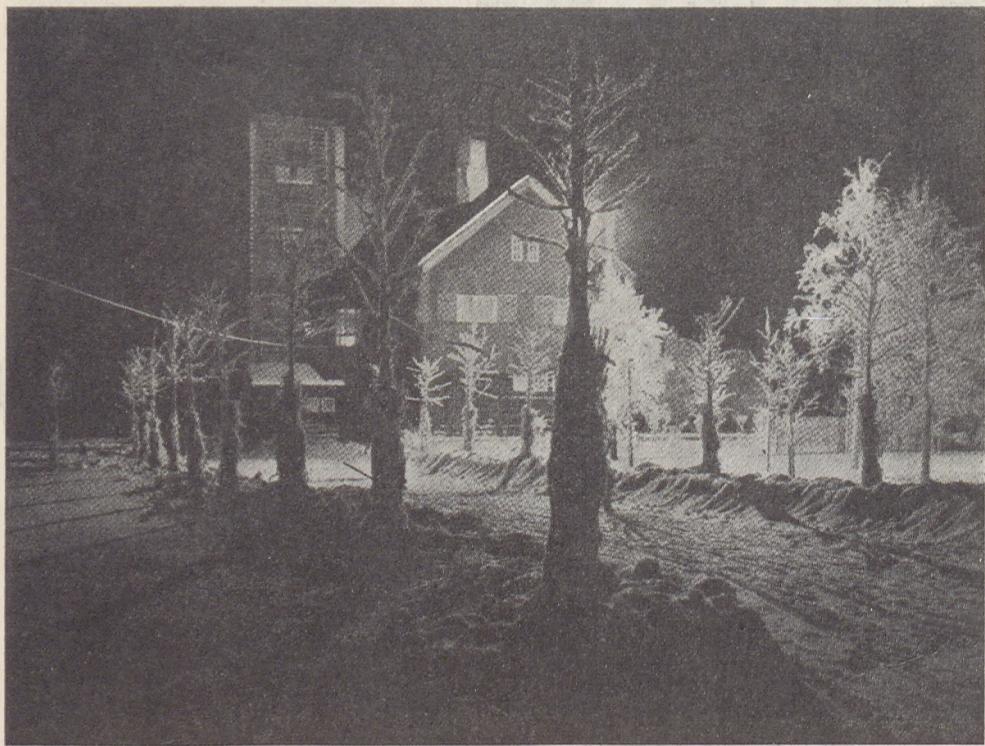

— Это возмутительно! А что вы скажете, если придется отдать японцамъ часть русской территории?
— Скажу, что, если этой цѣной можно купить свободу русского народа, то...

Дорогой читатель! Не волнуйтесь и успокойтесь: здѣсь приведенъ разговоръ, происходившій очень давно, много лѣтъ тому назадъ: въ 1904 г.

А для того, чтобы Вамъ было ясно, кто что говорилъ, мы здѣсь добавимъ, что толстый господинъ былъ противъ побѣды японцевъ, а тотъ, что въ пенснѣ съ тесемочкой — за нее.

ДАЧА Л. АНДРЕЕВА ВЪ ФИНЛЯНДИИ

Оғь этой травли онъ страдалъ жестоко, его лишили нужного покоя. Онъ съ озлобленіемъ говорилъ о критикахъ и даже напечаталъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» довольно странную статью, въ которой упрекалъ критиковъ въ томъ, что они не цѣнятъ и не берегутъ родныхъ талантовъ.

Онъ продолжалъ работать. Всѣ его новыя произведения интриговали широкую публику, и его «жуткія писанія» возбуждали счастливые обсужденія. Разумной критики не было, — она не хотѣла считаться съ тѣмъ, что Л. Андреевъ иначе писать не могъ, что все имъ написанное является его достиженіемъ, переживаніемъ, творчествомъ. Бурно-пламенный Л. Андреевъ не сдавался, продолжалъ слѣдоватъ по намѣченному имъ пути и его «тягостная трагедія» наводили на многихъ «уныніе». Такъ обѣ этомъ говорила критика.

И все же его читали. Его пьесы ставились въ столицахъ и въ провинції. Ихъ смотрѣли, онѣ волновали, вызывали споры и хлесткая критика не унималась.

Проходили годы. Л. Н. женился вторично и всей душой отдался семье. Онъ окончательно обосновался въ Финляндіи, гдѣ выстроилъ для себя и для семьи обширную дачу съ видомъ на море, которое онъ такъ любилъ. Благосостояніе его не уменьшалось. Работалъ онъ, по обыкновенію, много.

Было время, когда онъ былъ очень друженъ съ Горскимъ и они совмѣстно работали въ нѣкоторыхъ изданіяхъ. Дружба эта оборвалась, — они разошлись.

Л. Н. Андреевъ сталъ хворать. Не безъ грусти нужно упомянуть, что у него было тяжелый, наслѣдственный недугъ — онъ пилъ и отъ времени до времени запои стали тяжелые, затяжные.

Въ 1914 году онъ писалъ одному изъ своихъ друзей:

— Я усталъ отъ жизни, отъ переживаний, связанныхъ съ заботами. Половина моей души всегда погружена въ ночь, въ сумерки; во мнѣ много всякой боли. И любовь, которую я хочу, должна быть легка и свѣтла;

можеть быть, это плохо, но я уже начинаю экономить силы, не могу и не хочу ничего отдавать въ эту сторону, хочу только братъ. Чувство, связанное съ душевной борьбой, съ протестами совѣсти, съ дисгармоніей вѣнчанихъ и внутреннихъ отношеній враждебно мнѣ, моей работѣ и жизни, — оно не можетъ и не должно существовать. Какъ солдатъ, который половину жизни сидитъ въ окопахъ, вторую половину я хочу имѣть беззаботной и свѣтлой, избавленной отъ душевныхъ заботъ, ответственности, раздумий и колебаній...

Осуществить эту мечту ему не пришло. Тяжкая война захватывала жизнь. Въ концѣ 1916 года Л. Н. переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ отдается газетной работѣ въ «Русской Волѣ». Ему казалось, что его имя создастъ руководящую газету. Но онъ не нашелъ нужныхъ для этого сотрудниковъ. Многіе изъ писателей, къ которымъ онъ обращался за сотрудничествомъ, не вошли въ газету. Личныя статьи Л. Н. были интересны и полны страха за Россію. Онъ работалъ много. Наступилъ 1918 годъ. Печальная событий развертывались съ чудовищно быстротой. Л. Андреевъ, обезсиленный газетной работой и тяжелыми переживаниями, боясь за судьбу своей семьи, переѣхалъ къ себѣ въ Финляндію, гдѣ надѣялся найти нѣкоторый покой.

До послѣднихъ дней своей жизни Л. Н. Андреевъ вѣль дневникъ, изъ которого мы приводимъ нѣкоторая записи:

8 Сентября 1919 года, вечеръ. Мустомяки. Выгнали изъ Тюрисева аэропланы и бомбы. Одинъ налетѣ былъ какъ разъ наканунѣ нашего приѣзда, и тогда же рѣшили уѣхать сюда. Но ночью я раздумалъ и отправилъ только часть семьи; захотѣлось испытать свою судьбу; тутъ же я и заболѣлъ... И вчера въ 3 1/2 ночи — налетѣ. Не буду рассказывать: такъ все это отвратительно въ мѣрѣ, такъ невыносимо скучно жить, говорить, писать, что не хватаетъ силы и желанія написать хоть нѣсколько строкъ. Для кого? Зачѣмъ?

9 сентября. То, что можно назвать настоящимъ отвращеніемъ къ жизни. Все, въ чемъ есть малѣшій намекъ на глупость или уродство, вызываетъ отвращеніе, чувство порою физической тошноты... Если душа дастъ, можно будетъ работать и приготовиться къ Америкѣ.

10 Сентября... Гудять. Еще все было, какъ всегда, еще оставалась грань, которая отдѣляетъ простое, обычное, всегдашнее отъ чего-то иного, чего мы не знаемъ. И вдругъ справа огромный, тупой и короткій ударъ-разрывъ. Черезъ полѣ минуты — второй, такой же огромный, тупой и короткій. Анна (жена) суетится по комнатѣ, шепчетъ: «Боже мой, Боже мой, что же это, что же дѣлать? И, вотъ, этотъ переходъ изъ сферы обычного въ сферу иного и былъ самымъ разительнымъ чувствомъ. Третій разрывъ. Я успокаиваю: «Не бойся, это на горѣ...» Но стало спокойнѣе, кончилось необычное, и все уже сводится къ ожиданію, къ разсчетамъ и случайности... Всѣ легли спать, заснула и Анна. Надѣ моремъ розовѣли облачка, стало свѣтло, широко и простило. А я до утра не могъ заснуть: все думалъ, представлялъ и грезилъ необычайнымъ: какъ они гудѣли — и первый ударъ — и какъ свершилось то, что ожидалось.

†

12 сентября 1919 года Леонидъ Николаевич скончался. Ушелъ писатель, несомнѣнно талантливый и талантъ его не укладывался въ какія-либо художественные рамки. Его мироощущеніе было своеобразно и онъ проявлялъ его въ своемъ творчествѣ, въ своихъ писаніяхъ, непонятыхъ многими.

Л. Ф. Волькенштейнъ.

НА ШИПКѣ

(Отъ спец. кор. «Ил. Рос.»)

Обремененная наслѣдіемъ Европейской войны (репараций), переживая особенно остро экономический и финансовый кризисы — Болгарія не имѣла возможности своеевременно и въ полной мѣрѣ, согласно намѣченной программы отмѣтить знаменательную юбилейную дату пятидесятилѣтія своего освобожденія.

Вотъ почему на протяженіи почти цѣлаго десятилѣтія (съ 1927 г.) мы наблюдаемъ въ разныхъ мѣстахъ Болгаріи, тѣмъ или инымъ связанныхъ съ историческими событиями временъ освободительной войны, особая торжества и празднства.

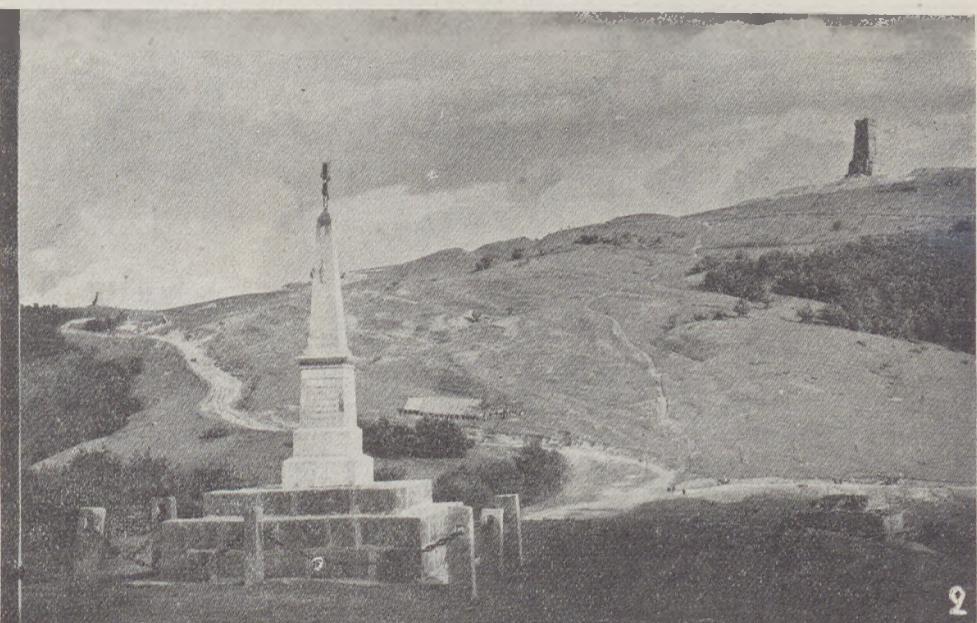
Официально празднованіе 50-тилѣтія освобожденія Болгаріи съ 1927 года было перенесено на 29 годъ и соединено съ празднованіемъ тысячелѣтія со дnia царствованія болгарскаго царя Симеона.

При празднованіи въ настоящемъ году на Шипкѣ, русскому Царю Освободителю и русскому воину, и русскому народу воздавалось должное и выражалось вниманіе и признательность.

Шипка одна изъ блестательнѣйшихъ странницъ освобожденія Болгаріи.

Въ Шипкинскіе дни обезсмертили свои имена воины — крестоносцы: русскій солдатъ и офицеръ и руководимые послѣдними, первые болгарскіе солдаты — герои-оноплещи, ядро будущей болгарской народной арміи. Шипку воспіяли въ своихъ пѣсняхъ и русскіе и болгарскіе поэты, Шипкѣ посвятили немало страницъ и русскіе, и болгарскіе беллетристы во главѣ съ Вас. Ив. Немировичемъ-Данченко, живыми свидѣтельствами и участниками шипкинской эпохи; Шипку, наконецъ, зафиксировали красками художники двухъ братскихъ народностей съ бессмертными нашими Верещагинымъ.

Отмѣтишь Шипку — было завѣтной мечтой

Памятникъ Свободы на горѣ Св. Николая

и Царь Освободитель Александра II-го. Его мечта, какъ извѣстно, осуществилась лишь спустя четверть вѣка — у подножья шипкинского прохода Россіей воздвигнутъ великолѣпный храмъ — памятникъ, около которого въ дни русского лихолѣтія нашли себѣ пріютъ изгнанники: наши воины инвалиды.

Сейчасъ Шипку вѣ чаютъ новымъ памятникомъ.

Благородное потомство, освобожденный болгарскій народъ, въ самомъ сердцѣ шипкинского прохода, на 1334 метровой высотѣ — на горѣ «Св. Николая», ушедшей своимъ скалистымъ остремъ («Орлово гнѣздо») подъ самое небо — соорудилъ «Памятникъ Свободы» — массивную башню-маякъ.

Памятникъ производитъ величественное впечатлѣніе своей сорокаметровой высотой, оригинальной архитектурой (авторъ талантливый болг. архитекторъ Ап. Дошевъ и скульпторъ А. Андреевъ) и материаломъ, изъ котораго онъ сдѣланъ, послужилъ.

— мѣстный дикий, обтесанный камень, пѣкогда обильно орошеный русской и болгарской кровью... Да, пожалуй, еще «оригиналенъ» онъ и тѣми средствами, на которыхъ построены — главная часть ихъ собиралась въ теченіе долгихъ лѣтъ среди дѣтей — учениковъ основныхъ училищъ и гимназій, а также въ казармахъ среди молодыхъ солдатъ — «молодое поколѣніе своимъ отцамъ и дѣдамъ!»

Внутри памятника помѣщается небольшая церковка и саркофагъ съ костями погибшихъ защитниковъ Шипки, собранными съ братскихъ могилъ въ окрестностяхъ Шипки. Старухи памятникъ украшены громадной бронзовой фигурой льва (скульптора А. Андреева), символизирующей освобожденную Болгарію.

1. Памятникъ Свободы на горѣ Св. Николая, недавно торжественно открытый. 2. Памятникъ въ память освобожденія въ Шипкинской долинѣ. 3. Храмъ — памятникъ, воздвигнутый Россіей у подножія Шипкинского прохода.

Въ августѣ 25-26-го состоялись на Шипкѣ больнія торжества по случаю освященія памятника. Присутствовалъ Царь Борисъ III, его братъ, князь Кириллъ, всѣ министры, дипломатической корпузы, ветераны Освободительной войны, какъ болгары, такъ и русские, культурныя и патріотическія организации при массовомъ (60.000 ч.) стеченіи болгарскихъ гражданъ.

Церемонія освященія памятника совершила Старо-Загорскій митрополитъ Навель и управляющій русской епархией въ Болгаріи еп. Серафимъ.

При открытии памятника Царь Борисъ произнесъ блестящую рѣчь, въ которой Русско-Турецкую войну за освобожденіе Болгаріи называлъ «блѣломъ безпрѣмѣнного въ исторіи народовъ великодушія, а Царя-Освободителя помянулъ какъ «благороднаго Рыцаря».

Царская рѣчь временами прерывалась пушечными салютами съ сосѣднихъ шипкинскихъ вершинъ. Царь Борисъ возложилъ на памятникъ вѣнокъ отъ имени всего болгарского Народа. Затѣмъ послѣ соответствующихъ рѣчей вѣнки возложили премьер-министръ К. Георгіевъ, военный министръ Златевъ и др. Среди многочисленныхъ вѣнковъ выдѣлялся своимъ изяществомъ и скромно-

стью вѣнокъ-доска, возложенная отъ имени Русскаго Обще-Воинскаго Союза генераломъ Ф. Ф. Абрамовымъ.

Болгарія.

Вал. Сосѣдовъ.

*ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ
ЧИСЛЕ:*

НАЧНУТСЯ ПЕЧАТАНИЕМЪ,
впервые на русскомъ языке,

Письма ЕКАТЕРИНЫ II
къ ПОТЕМКИНУ

съ очерками А. Кашиной.

КАКЪ БЫЛЪ СПАСЕНЪ

Князь Гавріилъ Константиновичъ

(ПРОДОЛЖЕНИЕ*)

— Перестаньте глумиться, господинъ Урицкій. Я пришла, чтобы спасти моего мужа, а вы предлагаете мнѣ подписать ему смертный приговоръ. Я отлично понимаю, что стоить мнѣ только подписать такую бумагу, какъ мой мужъ будетъ убитъ. Я прошу и умоляю васъ положить, какъ вы сдѣлали съ Брасовой, моего мужа въ лечебницу, но безъ стражи.

— Нѣть, я этого не сдѣлаю, — отвѣтилъ онъ мнѣ. — Брасова, какъ я убѣдился, не повинна въ бѣгствѣ Михаила Романова, потому я ее держу въ больницѣ на свободѣ. Вашъ же мужъ арестованъ и долженъ отправиться въ тюрьму.

Когда онъ произнесъ слово «тюрьма», — я почувствовала, какъ холодъ пробѣжалъ по моей спинѣ. Мужъ мой во время этого діалога сидѣлъ молча. — Я просила его не говорить. Видя, что всѣ мои попытки спасти мужа не даютъ положительныхъ результатовъ, я застыла въ ужасѣ. Наступившее молчаніе, вдругъ, прервавъ скрипучій голосъ Урицкаго:

— Да, между прочимъ, — обратился онъ ко мнѣ, — вы засвидѣтельствовали свой бракъ по большевицки? Вашъ церковный бракъ для насъ не дѣйствителенъ... Я вамъ совсѣмъ пойти къ моему нотаріусу и тамъ это сдѣлать, а затѣмъ я попью къ вамъ конфисковать все ваше имущество и забрать романовскія деньги... Нашъ народъ еще обогатится!..

— Какъ вамъ не стыдно смеяться! — восклинула я. — Что вы можете еще взять?.. Брать съ меня нечего. Сегодня вы берете самое послѣднее и дорогое для меня — моего мужа...

Слезы брызнули изъ моихъ глазъ.

— Скажите, гдѣ мои братья, сосланные въ Вятку? — спросилъ Урицкаго мой мужъ.

— Всѣ понесли должное наказаніе и очевидно разстрѣляны, — отвѣтилъ спокойно Урицкій.

— А моя свояченица, Елена Петровна Сербская?

— Тоже не избѣжала своей участіи, — прогнусавилъ эту извергъ.

Воспользовавшись начатымъ разговоромъ, я еще разъ попыталась просить Урицкаго сжалиться надъ моихъ больнымъ мужемъ

*) См. №№ 35, 36 и 37 «И. Р.»

и помѣстить его въ клинику, но получила категорический отказъ.

— Я вамъ только могу предложить выбрать тюрьму: Кресты или Предварительное Заключеніе на Шпалерной.

Мужъ мой самъ долженъ былъ выбрать себѣ тюрьму! При этой мысли мозгъ холодаѣль, замирало сердце.

Мы съ мужемъ начинаемъ выбирать тюрьму. Сначала мы узнаемъ, что въ Крестахъ хорошая больница, но потомъ намъ сообщаютъ, что въ Предварительномъ Заключеніи находятся всѣ ляди моего мужа, великие князья: Дмитрій Константиновичъ, Павелъ Александровичъ, Николай Михайловичъ и Георгій Михайловичъ. Тогда мы решаемъ, что мой мужъ пойдетъ въ Домъ Предварительного Заключенія на Шпалерную.

Урицкій вызывалъ комиссара этой тюрьмы.

— По какимъ днямъ и сколько разъ я могу бывать у мужа — спросила я Урицкаго.

— Хоть каждый день, — отвѣтилъ онъ.

Вошелъ комиссаръ тюрьмы — противный, грязный типъ — и началъ писать какую-то бумагу.

— Въ какіе часы я могу бывать у мужа? — задала я вопросъ комиссару.

— Разъ въ недѣлю, — гаркнулъ онъ на меня.

Что!? — заволновалась я, — Урицкій разрѣшилъ каждый день.

Ничего подобного, — опять завопила комиссаръ. — Получайте разрѣшеніе бывать два раза въ недѣлю.

Урицкій, стоявшій тутъ-же, прогнусавилъ:

Хватитъ съ васъ два раза въ недѣлю. Дальнѣйшіе разговоры ни къ чему не привели. Нужно было примириться.

Пока они писали, мы съ мужемъ сидѣли, смотря другъ на друга, глазами полными слезъ, не будучи въ силахъ примириться съ предстоящей разлукой и тѣмъ несчастьемъ, которое выпало на нашу долю. Никогда не забуду этихъ минутъ! Въ мысляхъ вихремъ пронеслись всѣ пять лѣтъ нашей тихой, беззаботной жизни, полной любви и согласія. И теперь этотъ леденящій кровь ужасъ — тюрьма, можетъ быть, ссылка, а можетъ быть, и разстрѣлъ! Мы сидѣли, держа другъ друга за руки... Безысходное горе томило насть. Какъ тяжело было сознавать эту убийственную дѣйствительность и беспомощность... Въ это время кто-то вошелъ въ комнату.

— Романовъ, идите! — услышали мы голосъ Урицкаго.

— А его довезутъ? — спросила я.

— Разъ я вамъ сказать, что я его везу въ тюрьму, такъ значить не на разстрѣлъ.

Сперва я не могла сообразить, что мнѣ отвѣтилъ Урицкій, но потомъ поняла.

— Я вѣсъ спрашивала, пойдетъ ли онъ въ тюрьму пѣщкомъ или сго повезутъ?

— Ахъ такъ!.. Онъ пойдетъ на автомоби-

лѣ, — отвѣтилъ Урицкій.

Въ это время подошелъ къ мужу какой-то типъ съ винтовкой и повелъ его въ другую комнату. Я пошла за нимъ и стала просить, чтобы мнѣ разрѣшили доѣхать до тюрьмы. Мнѣ отказали. Въ слѣдующей комнатѣ настѣ окружило человѣкъ пятнадцать вооруженныхъ матросовъ. Я думали, что они начнутъ надъ нами издѣваться. Но они вели себя прилично. Насъ буквально оторвали другъ отъ друга. Мужа увили. Я бросилась за нимъ, и вся въ слезахъ, въ послѣдній разъ, обняла его и благословила. Постоявъ минуту на мѣстѣ, ничего не видя изъ за слезъ, я безсознательно пошла къ выходу.

При выходѣ изъ Чека, мы спросили у солдата, откуда вывозятъ арестованыхъ. Намъ указали на сосѣднія ворота. Мы направились туда, и я увидѣла, какъ съ двумя вооруженными солдатами проѣзжалъ мой мужъ. Автомобиль едва не задѣлъ меня. Я стала бѣжать за автомобилемъ, что-то шепча, крича и спотыкаясь. Вдругъ, увидѣла, что автомобиль остановился. Бросилась и обняла еще разъ своего мужа...

Остановилась ли машина сама, или же у шоferа заговорили человѣческія чувства и онъ остановился умышленно, чтобы дать намъ возможность еще разъ проститься, я не знаю, но этотъ моментъ почему-то сильно врѣзается у меня въ память.

Я сѣла добрата до извозчика. Оказалось, что мы съ мужемъ провели на Гороховой четыре часа...

Какъ я могу передать словами все то, что я чувствовала и переживала. Да есть ли слова, которыя могли передать эту ужасную дѣйствительность? Словъ такихъ нѣть! У меня отняли все самое дорогое, самое близкое, отняли то, чѣмъ я жила...

Ужасъ щемилъ мнѣ сердце. Жуткое отчаяніе овладѣло мною. Бросившись на кровать, я зарыдала... Но мысль о мужѣ не оставляла меня ни на минуту. Вскочивъ, я начала собирать ему нужные вещи: бѣлье, подушки, ёду и т. д. Все это отправила съ горничной на Шпалерную, въ тюрьму. Затѣмъ, собравъ послѣднія силы, я отправилась къ Вел. Кн. Елизаветѣ Маврикіевнѣ, матери моего мужа, чтобы разказать ей о нашемъ общемъ горѣ...

Мы долго, молча, плакали... Никто другъ лучше не понимаетъ въ такихъ случаяхъ, какъ жена и мать...

Я вернулась домой поздно вечеромъ, уставшая, разбитая физически и нравственно, со страшной головной болью. Меня уложили въ постель. Какъ сквозь сонъ, слышала, что у настѣ дома было много людей: родственники и знакомые пришли выразить свое сожалѣніе, но я никого не видѣла и ничего не сознавала. Одна мысль, что мужа нѣть, — онъ въ тюрьмѣ, не давала мнѣ покоя. Всю ночь я не спала, иногда забывалась на минуту, но что-то тяжелое начинало давить

Сегордия

ПЕРЕДЪѢДОЙ
ВѢЧЕРОМЪ

GRAIN de VALS
СЛАБІТЕЛЬНОЕ, СПОСОБСТВУЮЩЕЕ
ПОХУДѢНІЮ, РАСТИТЕЛЬНОЕ
И ОПОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЕ.
РЕЗУЛЬТАТЪ ЗАВТРА УТРОМЪ.

мнѣ на сердце, и я открывала глаза...

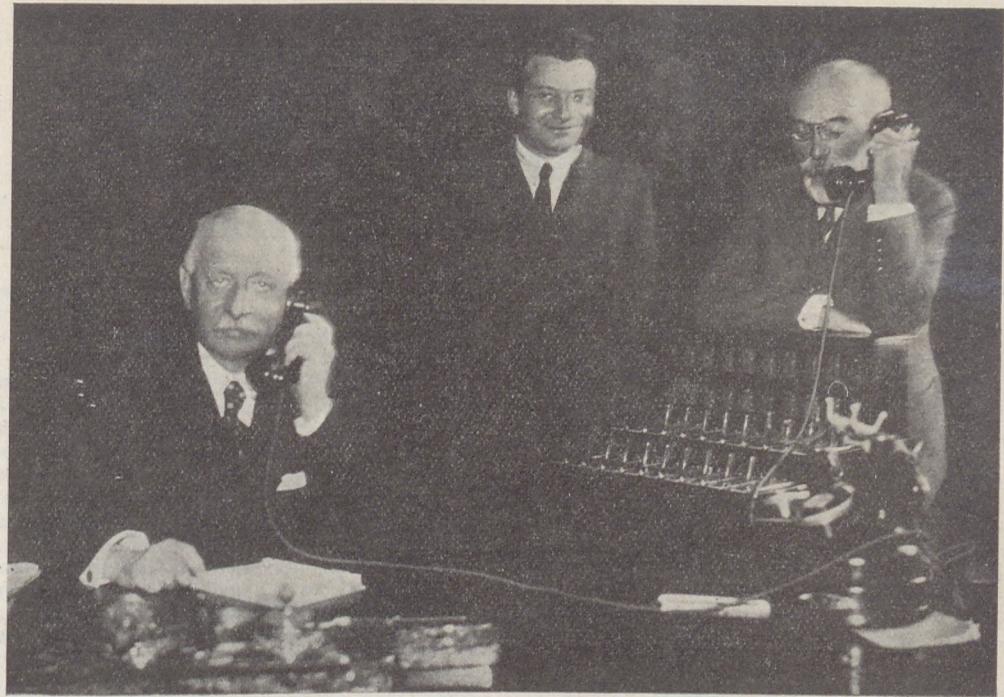
На утро, вскочивъ чуть свѣтъ, я начинала обдумывать, что мнѣ нужно дѣлать и къ кому бѣжать. Я рѣшила бѣхать на Гороховую къ Б. Позвонивъ по телефону и получивъ разрѣшеніе пріѣхать, я немедленно отправилась туда. Опять прошла по лѣстницѣ, уставленной пулеветами и солдатами и вошла въ столовую-приемную. Здѣсь у меня явилась мысль, во что бы то ни стало, повидать Урицкаго. Пославъ ему листокъ бумаги съ моей фамилией, я ждала, но скоро получила отказъ въ пріѣмѣ. Тогда я сама безъ доклада вошла въ кабинетъ Урицкаго. Онъ очень грубо велѣлъ мнѣ уйти, сказавъ, что намъ не о чёмъ разговаривать. Не теряя надежды съ нимъ переговорить, я узнала, что у него въ кабинетѣ имѣется вторая входная дверь и, не долго думая, вошла вторично безъ доклада къ этому извѣргу въ кабинетъ. Онъ былъ ошеломленъ моей назойливостью, но и вторично не желалъ со мной разговаривать. Третій двери, къ сожалѣнию, не было, а въ дѣвѣ предыдущія меня уже не пускала стражка. Тогда я рѣшила направиться къ Б. Написавъ свою фамилию, я постала черезъ сторожа записку съ просьбой принять меня. Каково же было мое удивленіе, когда сторожъ вернулся и сообщилъ, что Б. не знаетъ меня и спрашиваетъ по какому дѣлу? Вспомнивъ, что меня большевики знаютъ только по дѣвичьей фамилии, а не въ качествѣ Романовой, я немедленно исправила свою ошибку и, вручивъ сторожу 40 рублей, просила его устроить мнѣ пріѣмъ. Вскорѣ сторожъ вернулся и сообщилъ, что Б. меня приметъ. Прождавъ около часа, я, наконецъ, вошла въ кабинетъ къ Б. Разсказавъ ему о мужѣ (онъ, конечно, уже все зналъ), я начала просить его помочь мнѣ перевести мужа въ больницу. Б. былъ строгъ и холоденъ, но въ глазахъ его порой свѣтились лучи доброты и сердечности.

Къ сожалѣнию, помочь вамъ ничѣмъ не могу: все Романовы находятся въ вѣдѣніи Урицкаго...

Разбитая, униженная, я вернулась домой изъ Чеки. Въ этотъ же день ко мнѣ явилась какая-то дама съ запиской мужа изъ тюрьмы. Онъ просилъ прислать матрацъ. Мы отнеслись къ этой дамѣ съ недовѣріемъ, но увидѣвъ почеркъ мужа, немедленно ему выслали матрацъ. Дама предлагала мнѣ дальнѣйшія услуги по перепискѣ съ мужемъ, объясняя, что ея мужъ офицеръ тоже сидитъ въ тюрьмѣ въ Шпалерной и она, при частыхъ свиданіяхъ, можетъ передавать записки. Но она показалась мнѣ подозрительной, и я ея услугами не пользовалась.

Мысль о необходимости помочь моему мужу, меня не оставляла ни на минуту. Я продолжала обдумывать каждую мелочь. У меня мелькнула мысль позвонить женѣ Б., телефонъ которой мнѣ оставила, на всякий случай, сестра Б. — Н. И. Л-ва. Телефонные мои поиски оказались неудачными: жена Б. уѣхала въ Гатчину и должна была возвратиться только черезъ пѣсколько дней. Тогда я рѣшила написать ей письмо и изложить свое безыходное горе и молитъ ее, какъ женщину и жену, войти въ мое положеніе одинокой женщины.

Ночь прошла опять безъ сна. Утромъ я немедленно направилась на Гороховую. Ночью у меня явилась мысль просить Б. разрѣшить нашему домашнему врачу, добруму и милому И. И. Манухину, посыпать моего мужа въ тюрьмѣ. На это Б. сейчасъ же со-

ОТКРЫТИЕ ТЕЛЕФОННОЙ ЛИНИИ ПАРИЖЪ - МОСКВА
Министры иностр. дѣлъ Барту и почты и телеграфовъ Маллармѣ открываютъ телефонную линію Парижъ-Москва.

гласился и просилъ, чтобы докторъ Манухинъ пріѣхалъ къ нему для переговоровъ. Я съ Гороховой поѣхала къ доктору Манухину и передала ему весь разговоръ съ Б. Докторъ немедленно отправился въ Чеку и, какъ я потомъ узнала, велъ продолжительную бесѣду тамъ по поводу болѣзни моего мужа.

Я была безконечно счастлива: мой мужъ очень любилъ доктора И. И. Манухина, и его визиты несомнѣнно могли облегчить положеніе моего мужа и дать ему большую моральную поддержку.

Слѣдующій день былъ днемъ свиданія въ тюрьмѣ. Не могу передать того чувства скорби и тревоги, которое овладѣло мною при видѣ тюрьмы и оконъ съ рѣшетками. Грубо потребовавъ пропускъ, солдаты провели меня по вонючимъ коридорамъ въ кабинетъ начальника тюрьмы, гдѣ должно было состояться свиданіе. Кабинетомъ начальника тюрьмы была небольшая комната, съ однимъ окномъ съ рѣшеткой, письменнымъ столомъ, кушеткой и двумя стульями, между которыми стоялъ маленький столикъ. Начальникъ тюрьмы былъ симпатичный, маленький старичокъ. Въ этой комнатѣ я стала книгию Палей, разговаривавшую съ тюремной сестрой милосердія. Въ это время вошелъ нашъ докторъ И. И. Манухинъ и показалъ начальнику тюрьмы бумагу, согласно которой ему разрѣшались свиданія съ моимъ мужемъ. Начальникъ очень любезно отвѣтилъ, что онъ, къ сожалѣнию, бессиленъ что-либо сдѣлать, такъ какъ всѣми свиданіями завѣдуетъ комиссаръ тюрьмы, который долженъ скоро явиться. Разговаривая, мы прождали комиссара ровно полтора часа. Наконецъ, съ шумомъ отворилась дверь и вошелъ какой-то типъ. На немъ было смокингъ съ галстукомъ изъ грязной красной трапки. На ногахъ сбитья, потрепанные туфли съ бѣлыми, необыкновенно грязными носками. На головѣ — котелокъ съ проломленымъ бокомъ и ярко-рыжее непромокаемое пальто. Все на немъ было такъ грязно, что могло вызвать только отвращеніе.

Что это здѣсь за собраніе? — заоралъ

комиссаръ неистовымъ голосомъ, — убийтесь всѣ отсюда вонъ!

Находящіеся тутъ-же тюремный врачъ и сестра милосердія сейчасъ же тихо вышли. Нашъ докторъ подошелъ къ комиссару и протянулъ ему бумагу.

Комиссаръ Б. сказалъ, что на основаніи этой бумаги я могу навѣщать больного Г. К. Романова, — заявилъ докторъ.

Тюремный комиссаръ швырнула бумагу и закричалъ на доктора:

Убирайтесь вонъ! Ни въ коемъ случаѣ не допущу никакихъ докторовъ къ Романовыимъ.

Онъ истерически кричалъ, ругался, какъ извозчикъ, не стѣняясь присутствіемъ женщинъ, и, наконецъ, вытолкалъ за двери нашего доктора.

Мнѣ было больно сознавать, что докторъ изъ за настъ подвергся такимъ оскорблѣніямъ, но я была бессильна.

Комиссаръ сѣлъ разбирать свои бумаги, а мы съ княгиней Палей ожидали, стоя. Наконецъ, комиссаръ куда-то вышелъ въ канцелярію, возвратясь, велѣлъ мнѣ уйти. Меня отвели въ канцелярію, гдѣ я прождала ровно 15 минутъ, т. е. положенное время свиданія Вел. Кн. Павла Александровича съ его женой Кн. Палей. Когда я опять вошла въ кабинетъ начальника тюрьмы, то застала моего мужа, стоящаго по серединѣ комнаты съ двумя тюремными служителями по бокамъ. Со слезами на глазахъ я бросилась ему на шею. Мы сѣли. Настъ раздѣляя столикъ, сѣѣтъ рядомъ намъ не разрѣшили. Такъ много хотѣлось сказать, но словъ не было. Наконецъ, собравъ силы, я начала что-то говорить и въ это время услышала речь комиссара:

Говорите громко, я тоже желаю слушать, что вы говорите.

Его неправильная русская рѣчь и истерический крикъ, дѣйствовали на мои истерзанные нервы. Онъ подвинуть свое кресло и сѣѣтъ поближе къ намъ. Начальникъ тюрьмы въ это время отошелъ подальше.

Кн. А. Романова.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Три русскихъ таланта

Рассказъ изъ жизни Петра Великаго

Дороги были испорчены. Дожди, не переставая, лили вторую недѣлю — и царь Петръ рѣшилъ задержаться въ Валуевкѣ. Бѣхъ онъ съ Меншиковымъ, оба верхами и такъ промокли и продрогли, что не разъ припомыдались на стременахъ, ища хоть какую-нибудь хибарку, но кругомъ простирались сиротливыя, голыя поля, мокрыя и непрѣдѣльныя.

Обозы съ амуниціей и огнестрѣльнымъ запасомъ шли изъ Новгорода на волахъ и по размытымъ дорогамъ проходили въ сутки не болѣе двадцати верстъ. Царь грозился повѣсить и начальника, и комиссара обозовъ, однако, отъ угрозъ къ дѣлу не перешелъ, понимая, что начальникамъ супротивъ природы бороться трудно. Но скверные дороги и общее къ нимъ безразличіе раздражали Петра.

Голландскія дороги катками укатаны, по бокамъ стоки, а пока нашъ русскій медвѣдь наберется таланту, — сто шкуръ съ него спустишь! — сказалъ онъ въ полуоборотъ Меншикову.

Сѣтлѣйшій лѣниво посмотрѣлъ на царя, отряхнулся, какъ утка отъ дождя, и еще лѣнивѣ отвѣтилъ:

— Зря русскій народъ браницы. У русского талантовъ дѣвать некуда; присмотрись только.

— Давно смотрю, да что-то не вижу! Только изъ подъ палки и гораздъ на работу, а не досмотри, — лапу сосеть!

— Не правъ ты, ваше величество — и за сутки не менѣе трехъ талантовъ найдешь!

— Да ну?

— Ей Богу!

— А почему-же я проглядѣлъ, а ты ихъ подмѣтилъ; умнѣй, что-ли?

— Не въ умѣ дѣло. Ты сверху до низовъ снисошелъ — это одна хватка, а я самъ изъ низовъ вышелъ — это другая. Хочешь спорить на сто червонцевъ?

— Идетъ! засмѣялся царь. — А только, если за сутки трехъ талантовъ мы не найдемъ, — получай, братъ, за червонецъ по палкѣ. По пятницамъ и бить буду; такъ и отсчитывай десять пятницъ. Въ субботу отлежишься, въ воскресенье отмoliшься, а съ понедѣльника за работу.

— Плакали твои денежки, ваше величество! усмѣхнулся сѣтлѣйшій.

— Не твоя-ли спина чешется? Рано загадываешь. Ну и погода!

А погода, дѣйствительно, становилась все нестерпимѣе; дождь, то частиль, словно изъ сита, то лиль ливня и лошади, и всадники были забрызганы грязью до самыхъ головъ.

Временами откуда-то сбоку налеталъ вѣтеръ и дождь принимался хлестать сильнѣй и настойчивѣй.

Люди, словно, попрятались; нигдѣ ни души, ни подводы, ни верхового, ни пѣшаго. Тучи бѣжали такъ низко, что казалось вотъ-вотъ задѣнуть за верхушки березъ, разбросанныхъ кой-гдѣ отъ дороги.

А неутомимый царь, мокрый, голодный, холодный, спѣшилъ въ сумракѣ ненастя и, криво оттопыривая верхнюю губу, ворчалъ:

— Ихъ-бы, сучныхъ дѣтей, да по заграниценному обучить — глядишь — черезъ сто лѣтъ Европу-бы удивили!..

Въ Валуевку царь прискакалъ подъ вѣчеръ съ Меншиковымъ и с прaporщикомъ Сергеевымъ, котораго нагналъ по дорогѣ верстахъ въ десяти отъ Валуевки.

Сергѣевъ торопился къ обозамъ, былъ верхомъ, съ сѣдла не слѣзъ двое сутокъ, насквозь промокъ, ъѣ изъ сумки, запивалъ

дурной самогонкой и сегодня загонялъ уже третью лошадь.

— Куда?! закричалъ Петръ, какъ только нагналъ Сергеева.

— Для Семеновскаго полка порохъ и свинецъ принять, ваше величество! осаживая въ сторону коня и снимая шляпу, отвѣчалъ Сергеевъ. — У нихъ не перехвати во времѧ, такъ въ годъ не дотащутъ, а на своихъ-то подводахъ быстрѣй доставимъ.

— Дѣло говоришь, дѣло! — Запоздали обозы!

— Пока они подойдутъ — зима стукнетъ.

— А все-же, въ Валуевку завтра должны подойти! уверенно сказалъ царь. Поѣзжай съ нами. Какъ звать-то? Обрижье знакомое, а по кличкѣ забылъ.

— Фома Сергеевъ, ваше величество!

Царь снялъ шляпу, отряхнулъ съ нея ручьи воды и, одѣвая ее, спросилъ:

— Въ какихъ баталіяхъ былъ?

— Подъ Нарвой былъ, ваше величество.

Въ бедро раненъ, да вотъ два пальца подарили шведамъ!

Засмѣялся Сергеевъ и поднялъ правую руку безъ мизинца и безымянного пальца.

— Орель! улыбнулся царь и тронулъ коля.

— А водку-то пьешь? спросилъ онъ чрезъ плечо.

— Пью, ваше величество. Да нешто безъ водки русскій человѣкъ проживеть. По такой-то погодѣ куда, какъ это пользительно!

— Говоришь много! насупился царь. — Ка-бы ни пальцы, да ни бедро, я-бы тебѣ прописать за твое пустословіе!

— Языкъ нашъ — врагъ нашъ! вставилъ Меншиковъ и брезгливо оглядѣлъ Сергеева.

Сергеевъ усмѣхнулся и еще веселѣе посмотрѣлъ въ спину царя.

— Ишь, какъ грязью отѣлало! сказалъ онъ. — А пальцы и бедро, ваше величество, не въ счетъ; за тебя, да за родину я и глагомъ стою.

Петръ обернулся и погрозилъ ему нагайкой.

— Какимъ глазомъ?

— Однимъ, ваше величество. Лѣвымъ!

— А правый у тебя для кого?

— Правый, царь, для обману.

— Какъ для обману?! Эй, Данилычъ, ограй его вдоль спины, тебѣ ближе!

Сѣтлѣйшій поднялъ нагайку, а Сергеевъ, давъ коню шпоры ушелъ!

— Смотри, Фома, въ оба! засмѣялся царь.

— Не ровень часъ, однимъ глазомъ изъ-подъ моей нагайки не улизнешь.

— И ради-бы, ваше величество, да глазъ-то одинъ! Правый-то у меня не свой. Правый-то глазъ за твое величество до Нарвы посыпалъ.

Царь повернулъ коня и остановился противъ Сергеева.

— Врешь! Каки глазъ!

Прапорщикъ, улыбаясь, привсталъ на стременахъ и потянулся къ Петру.

— Врешь! уже не дружелюбно вскричалъ царь. — Вѣдь у тебя оба глаза! и щека у Петра дрогнула и бровь искривилась.

— Никакъ нѣтъ, ваше величество, — одинъ лѣвый. Это миѣ на мѣсто праваго ротнаго богомазъ Фелька липовый волчокъ подъ глазъ росписалъ.

— Да ну?! изумился царь.

— Ей Богу!

— Достойно сдѣлано. Неушто волчокъ?

— Волчокъ, ваше величество. Можете пальцемъ ощупать.

Петръ поднялъ руку и слегка надавилъ пальцемъ на глазъ прaporщика. Съ мокрой перчатки струйка воды потекла по щекѣ Сергеева.

— Вотъ чортъ! засмѣялся царь. — Данилычъ, смотри и впрямь волчокъ!

Меншиковъ поглядѣлъ на мокрую перчатку царя, на свисавшую съ кисти царской руки татарскую плеть, на пѣгую морду лошади прaporщика и, покимаясь, сказалъ:

— Вотъ тебѣ и первый талантъ!

Петръ даже привсталъ на стременахъ, снялъ съ Сергеева шляпу и перегнувшись поцѣловалъ его въ щеку. Потомъ нахлобучилъ ему треуголку на самыя брови и серъезно сказалъ:

— За бataliю, за пальцы, за бедро и за глазъ не забуду! и, улыбаясь, пошипелъ его по колѣну. — Еще одну рану получишь и произведу въ поручики! даль шпоры коину и всѣ трое поскакали къ Валуевкѣ.

**

Въ Валуевкѣ никто не ожидалъ въ такую погоду Петра. Ходили слухи, что онъ хотѣлъ быть въ Новгородѣ, но не раньше морозовъ.

Мглистые сумерки упали на бревенчатыя постройки Валуевки. Дождь зачастиль. Порывы вѣтра рвали холодныя лужи.

Петръ рукояткой нагайки постучалъ въ ворота.

— Эй, отоприте царевымъ слугамъ!

Гдѣ-то хлопнула дверь. Кто-то зашипелъ по грязи и грубый мужской голосъ крикнулъ со двора:

— Чего ломишься? Лѣ-ша-ай!! Проѣзжай дѣяволу дальше, здѣсь домъ соцкаго. Я вѣтъ постучу!

Царь спрыгнулъ съ коня и изо всѣхъ силъ ударилъ ногой въ ворота. Даже лошади шарахнулись въ сторону. Что-то треснуло, посыпалось, завизжало и обѣ створки ворота широко распахнулись.

— Гдѣ соцкій?! закричалъ царь!

Какой-то человѣкъ метнулся къ крыльцу, но Петръ, рванулся за нимъ, ухватилъ за шиворотъ и иѣсколько разъ огryѣлъ нагайкой.

Человѣкъ завыль, забился въ стальной рукоятки царя и сѣль въ грязь.

— Такъ-то ты, сукинъ сынъ, принимаешь царевыхъ гостей?! занипѣлъ на него Петръ и еще разъ полоснулъ нагайкой поникне спины.

Меншиковъ и Сергеевъ вѣхали во дворъ,

— Живо прибрать коней! загремѣлъ Петръ и прошелъ въ домъ. — Эй, Данилычъ! крикнулъ онъ изъ сѣней. — Зови прaporщика, хо-чи при свѣтѣ волчокъ разглѣдѣть.

Меншиковъ, не торопясь, слѣзъ съ коня, потеръ лосины на ляжкахъ, потеръ икры и, не обращая вниманія на всхлипы исполосованнаго хозяина, прикрикнулъ на прaporщика:

— Ну, живо! Слыши, государь требуетъ!

— Кого это? флегматично протянуль Сергеевъ. — Ежели прaporщикъ, то онъ на де-сять верстъ позади остался, а ежели поручика, въ одинъ мигъ буду.

— Да ты горохъ-то не разводи! насупя-сь и все еще потирая икры, сказалъ сѣтлѣйшій. А то, смотри, проучать и тебя, какъ этого дурака!

Но дуракъ уже прошмыгнуль вслѣдъ за царемъ, а изъ дома вышли двѣ бабы и приятели коней.

Сергеевъ слѣзъ съ своего пѣгаго и передавая поводь бабѣ, упрямо сказалъ Меншикову:

— А нечего, ваша свѣтлость, не слышали, что говорилъ государь: «еще одну рану полушишь и произведу въ поручики!»

— Ну?

— А вотъ теперъ ощупайте-ка это плечо, авось поручика и нашупаете.

— Да ты не верти, а говори толкомъ.

— Толкомъ и говорю. Въ плечѣ-то до сей поры пуля горчитъ, уже кожей заростать начала.

— Такъ что?

— Сами смекайте, ваша свѣтлость!

А царь уже снова появился въ сѣняхъ и загремѣлъ на весь дворъ:

— Ну? Что еще приключилось?

Меншиковъ подошелъ и рассказалъ про пурю Сергея.

— Вотъ хват! удивился царь. — Слово назадъ не беру. Идемъ, господинъ поручики!

**

Развѣсили на печи плащи и мундиры, и скоро горячая яичница и крѣпкая водка со-грѣла всѣхъ. Царь вдоволь налюбовался искусственнымъ волчкомъ и, смѣясь, спросилъ Сергея:

— Ну, куда-же тебѣ одноглазому, послужить и хватит! Хочешь къ комиссаръ-инденданты назначу?

— Спасибо! засмѣялся Сергей. — Отъ интенданта до плетей, что черезъ столъ до яицницы! А я, ваше величество, въ капитаны хочу.

— Жирно будетъ! насупился Петръ. — До капитана еще два раненія, — выживешь ли?

— Развѣ, что два? опять засмѣялся Сергей.

— А ты чего зубы-то скалишь? Мало дырявили? Сказалъ и не отступлюсь. Возьми еще два раненія и дамъ капитана, а пока еще и въ поручикахъ послужи съ толкомъ.

— Дозвольте ужъ лучше мнѣ въ капитаны! опять засмѣялся Сергей и быстро скинувъ ботфорты, размоталъ портянку.

— Гляди! сказалъ онъ, подставляя къ свѣту беспалую ногу. — Гдѣ пальцы? Нѣть? Вмѣстѣ съ сапогомъ по полю, за твоё величество въ плясъ ушли. А это? и онъ задралъ вверхъ рубаху. Вдоль бѣлага живота шель широкій розоватый рубецъ. — Кишки за твоё величество щупали, да не на такого Фому наскочили, выжилъ! Это, нешто не два раненія??!

Царь смущенный, откинулся къ стѣнѣ и вопросительно поглядѣлъ на Меншикова.

— Что-жъ? сказалъ тотъ. — Русская находчивость второй талантъ! Плакали твои денежки.

— Ка-а-пи-танъ!! только и могъ сказать царь и залился смѣхомъ. Его плотное багровое лицо краснѣло все больше и больше. Бѣдрагивали, топорщились и щетенились, зачесанные кверху усы и уже покраснѣлая и веселой кровью налилась широкая волосатая грудь. Вмѣсто вытаращенныхъ глазъ, сквозили морщинистыя щелки и съ нихъ бѣжали по щекамъ слезы. Наконецъ, царь перевѣль духъ и снова вытаращилъ глаза.

— Хватъ! Чортъ! Хватъ! сквозь послѣдние приступы, выкрикнулъ Петръ. — Изъ прaporника и въ капитаны! Да ты, слышишь, Фома, не тяни, показывай всѣ свои дырки, а то, въ прятки-то играя, перескочишь черезъ Данилыча!..

Сергей заправилъ рубаху, одѣлъ ботфорты и серъезно сказалъ:

— Это что, ваше величество, а вотъ въ соѣднѣй ротѣ у прaporника Феклушкина пятнадцать ранъ въ тѣлѣ, — что рѣшето! Честное слово!

Свѣтлѣйший взглянула на Петра.

— Впередъ наука, — сказалъ онъ, — не набирай по дорогѣ прaporниковъ, а то капитановъ дѣвать некуда будеть!..

— А все-же ты хват! похвалилъ царь Сергея. — На языкт рѣчистъ, на бataliю чистъ, а вотъ, какъ до ума твоего, не сплоховаль-бы. Капитаномъ къ бабѣ поѣдешь бѣда не большая, а дуракомъ въ строю будешь — ущербъ государству.

— Пытай! опять улыбнулся Сергей.

Что-жъ, торопиться намъ некуда, время коротать надо. Буду пытать на три вопроса. Отгадаешь всѣ три — на роту поставлю, а не отгадаешь — служи капитаномъ на мѣстѣ прaporника.

— Пытай, говорю, ваше величество! опять смѣется Фома.

Царь прищурилъ глаза, задралъ между толстыхъ пальцевъ подъ глазъ правый усы и вдругъ, скороговоркой, спросилъ:

— Летѣли три птички, двѣ величи, третья пташечка-таракашечка. Одна пятиглазка, другая трехглазка, а третья одноглазка. Ну?!

— Чего проще! Три птичи, это мы трое. Первая ты, пятиглазка: своихъ два, да я съ сиѣтлѣйшимъ во твоей службѣ. Вторая птича, то — князь; его два глаза, да мой подчиненный, а третья — я одноглазый.

— Вѣрою твоя! сказалъ царь, отхлебнуль изъ кругового ковша, погрызъ луку и снова, спросилъ:

— Сажали на огородѣ два кочна, выросло три кочна, а созрѣлъ одинъ не уродъ да и давай перекапывать огородъ. Ну?

— Не велика мудрость! опять усмѣхнулся Сергей. — Сажали два кочна тебя, да царевича Ивана. Выросло три кочна: ты, царевичъ Иванъ, да царевна Софія. А созрѣлъ одинъ ты и давай перекапывать государство.

— Молодецъ! закричалъ Петръ. — Люблю башковатыхъ! и такъ хлонулъ ладонью по сосѣдней скамѣ, что у ней нога подломилась.

— Ну, братъ, отгадывай третью: кто изъ насъ двоихъ глупѣй, ты или я?

Меншиковъ поднялъ глаза на Сергея, а подъ столомъ ему кулакъ кажеть: «Принимай на себя!» Однако, Сергей только усмѣхнется.

— Ну?! заторопилъ царь и по складамъ Петра забѣгали живчики. И опять лобъ начальъ краснѣть, но уже не отъ смѣха и Меншиковъ осторожно отодвинулъ въ сторону.

— Говори, если надумалъ, не тяни! загремѣлъ царь.

— Спѣшить-то намъ некуда, ваше величество, твои это слова! опять смѣется Сергей. — А я не изъ тѣхъ, что за словомъ въ карманъ лѣзутъ. На всѣ твои вопросы я отвѣтилъ по уму, какимъ меня Господь наградилъ и теперь скажу, не таясь. Но отвѣтъ мой будетъ состоять тоже изъ трехъ вопросовъ; отгадаешь, — заткнешь меня, не отгадаешь, — суди самъ.

Меншиковъ лѣниво отогналъ съ носа мууху и еще лѣнивѣе сказалъ:

— Дерзинъ, братъ!

— Молчи! прикрикнулъ на него царь. — Достойно онъ говоритъ. Задавай, господинъ капитанъ!

— Первый вопросъ совсѣмъ простой: вѣтра нѣть — такъ вѣтется, вѣтеръ есть — не вѣтется, вѣтется — такъ вѣтеръ есть, не вѣтется — такъ вѣтра нѣть. Что будетъ?

Петръ бросилъ кисеть на столъ, нервно набилъ трубку, запалилъ отъ свѣчи, пустилъ цѣлое облако дыма, подумалъ, почесалъ въ затылкѣ и отплонулъ.

— Хоть убей, ничего не пойму! И мельница и не мельница и чортъ ее знаетъ, что за вертушка! Видно, братъ, я глупѣе тебя. Говори, что будетъ?

— Вѣрь!

— Вѣрь? Какъ вѣрь?! Вѣрою. Вотъ чортъ! А я про мельницу думалъ. Ну, твоя береть, говори вторую.

— Изволь. Скажи ты мнѣ, ваше величество, что мужикъ видѣтъ всегда, царь иногда, а Богъ никогда?

— Ну, это ты врешишь: засмѣялся Петръ, снова занялся и снова пустилъ облако дыма. — Что-же это такое, чего Богъ не видитъ?

— Да у тебя Богъ-то турецкій? кривясь отъ петровскаго дыма, протянулъ Меншиковъ.

— Зачѣмъ турецкій. Богъ нашъ. Іисусъ Христосъ.

— Да есть-ли такое, чего и Христосъ не видитъ?!

— Значитъ есть, ваша свѣтлость!

— Ну, пусть я дуракъ! сказалъ Петръ. — Говори отгадку.

— Мужикъ видѣтъ всегда, царь иногда, а Богъ никогда, — равнаго себѣ!! отвѣтилъ Сергея и опять усмѣшилъ посмотрѣлъ на царя.

— Что, Данилычъ, вѣрою? подмигнулъ Петръ. — Оба, братъ, мы съ тобой дураки, а капитанъ-то, какъ я погляжу, умнѣй насъ.

— Отгадка вѣрна! согласился свѣтлѣйший. — Срѣдался ты на свое мѣсто подданиномъ. Хитръ русскій человѣкъ.

— Золотыя слова! подхватилъ Сергея.

— Поставь меня на мѣсто его величества и буду я дуракъ дуракомъ, а вотъ за водочкой про загадочки, на это я мастеръ. И скажу тебѣ, государь, что изъ насъ двоихъ умнѣй ты, а хитрѣй я. Хитростью милости твои заслужилъ и еще на одну расчитываю.

— На какую-же?

— А нужно мнѣ было два дня назадъ въ Валуевѣ быть, а я два дня съ горя прошьянствовалъ, а теперь вотъ спѣшу нагнать своего поручика, такъ ужъ будь до конца милостивъ и прости мой грѣхъ.

— Ты, братъ, не хватъ, а чортонъ ухватъ! тонорица усы, забрызгалъ слюной Петръ. — Нажраль, напиль, награды отъ царя получиль и еще милость выматываешь?! Хитрая ты голова и быть тебѣ на колу, но за недѣлѣніе по службѣ при слѣдующей провинности засчитаю вдвойнѣ, а пока что — благодари за хлѣбъ-соль, да отправляйся вдогонку поручику.

Сергей всталъ, поклонился въ поясъ царю, да свѣтлѣйшему и, снявъ съ печи еще не просохшій мундиръ, натянулъ его на себя и прицѣпилъ оружіе.

Бошель хозяинъ и, оставаясь у дверей, сказалъ царю.

— Подводы подошли, ваше величество. Офицеръ разрѣшенія просить войти.

— А ты мнѣ скажи, спина-то у тебя саднить?

— Саднить, ваше величество.

— Подъ лопатками-то, зудить?

— Зудить дюже.

— А на сидяче мѣсто сѣсть можешь?

— Пробовалъ, ваше величество, да пока трудновато.

— Ну, ладно, зови офицера! и, оборотясь къ Сергею, сказалъ:

— Не твой-ли поручикъ? Зайди пока, братъ, за печь!

И только Сергей притулился за печкой, какъ дверь отворилась и черезъ порогъ перешагнула весь мокрый и забрызганный грязью офицеръ.

— Кто будешь? закричалъ царь, всматриваясь въ пришедшаго.

Офицеръ снялъ шляпу и съ нея ручьями полилась вода.

— Семеновскаго полка поручикъ Сусликовъ, ваше величество! Съ шестью подводами пороха, амуниции и всякихъ огнестрѣльныхъ снарядовъ. Своихъ лошадей допрягли, а главный-то обозъ за полсотни верстъ грязь мѣсить.

— Плохо дѣло! сказалъ Петръ. — Придется, не досохнуть, щѣхать и подогнать. Сколько съ тобой людей?

— Сто человѣкъ отъ роты, ваше величество. Умаялись, вымокли. Дозволь по сараемъ согрѣться.

— Ну что-жъ, выставляй карауль и веди людей отдыхать. Да назначь въ карауль прaporщикъ; тоже, поди, вымокъ, какъ ты?

— Вымокъ! спокойно сказалъ Сусликовъ.

— Два дня, гдѣ-то мокнетъ, а куда занесло сушиться, про то, прости, и не знаю.

— Какъ такъ?! опять загремѣлъ царь. — Служку оставилъ?! Подъ судъ отдать и разстрѣлять передъ фрунтромъ!!

Поручикъ отодвинулъ въ сторону, потому что, гдѣ онъ стоялъ, образовалась лужа воды и, спокойно глядя въ глаза царю, сказалъ:

— Прaporщикъ Сергея отличный офицеръ и зашибать сильно не зашибаетъ, а съ горя видно намокъ; наградами за острый языкъ обошли.

— Какъ за языкъ?!

— Да все правду-матку ищетъ, а гдѣ она, правда-то? Днемъ съ огнемъ не сыскать!

То, чего не забыть

ВОСПОМИНАНИЯ.

Теплый юльский вечеръ въ Кусковѣ подъ Москвой... На террасѣ самоваръ, малина со сливками... Сумерки. Лампу еще не зажигали...

Старшіе собираются въ театръ; въ Кусково прѣхалъ гастролеръ, спектакль сегодня особенный, волнующій. О немъ разговариваютъ съ утра, спорятъ, кто лучше играетъ эту роль, — тотъ, кто выступаетъ сегодня, или А. И. Южинъ. Мнѣнія расходятся. Всѣ особыенно настроены и ждутъ вечера...

У меня настроеніе трагическое...

Меня не берутъ! Говорятъ: «Мала, успѣши еще всего навидаться въ жизни»...

Не берутъ! Меня!!! Меня, которая за то, чтобы пойти туда, готова отдать свою девятилетнюю жизнь!

Какъ можно меня не взять въ театръ, когда это такъ же необходимо для меня сейчасъ, какъ воздухъ!..

«И какъ они этого не понимаютъ», шепчу я, усѣвшись у корней раскидистой сосны, на кочкѣ, въ далекомъ углу нашего сада... «Господи, какъ тяжело, когда самые родные люди на свѣтѣ, самые дорогіе и вдругъ такие глупые!»

Меня бѣть лихорадка, я вся дрожу... Къ ужину и вечернему чаю прихожу съ заплаканными глазами и распухшимъ носомъ. Всѣ понимаютъ, въ чёмъ дѣло, повидимому, жалѣютъ даже! но... у моей матери, а что самое важное и показательное, — у тети Сони, непреклонное лицо, и только дядя, дорогой, святой дядя Сережа, видимо, не теряетъ надежды...

Онъ подмигиваетъ мнѣ, и уходить вслѣдъ за ними, за этими двумя женщинами, въ рукахъ которыхъ сейчасъ все мое счастье.

Въ гостинной слышится взволнованный разговоръ, дядя убѣждаетъ, словъ не слышно, какъ я ни напрягаю слуха, наконецъ, негодующее восклицаніе тети и... свѣтъ померкъ передъ глазами!.. Все кончено! Не берутъ!!!

Дядя выходитъ, протирая пенснѣ, — значитъ, недоволенъ.

— Ничего не вышло, Николаевна (Николаевна — это я). Потерпи! Выростешь, — будешь дѣлать, что хочешь, а сейчасъ — по одежкѣ протягивай ножки. Ничего не подѣлаешь.

Я въ пучинѣ отчаянія!!

Захлебываясь отъ слезъ, зарываюсь головой въ дядино плечо...

**

Часъ спустя, съ горящими щеками, съ распленными волосами, съ руками перепачканными землей, я сижу верхомъ на заборѣ сада... Въ этомъ саду театръ, тамъ сегодня играетъ кто-то чудесный, и я должна быть тамъ... И буду!

А потому, хоть смерть!

Позади страшный путь черезъ окно дѣтской (къ счастью, въ первомъ этажѣ), двѣ огромныя лягушки въ саду, которыхъ опре-

дѣление гнались за мной. Ужасъ, чтобы не заскрипѣла калитка, разорванные чулки, и ужасъ содѣяннаго...

Впереди — театръ! Все равно, — семь бѣдъ однѣ отѣтъ! Я преступница? — «Тѣмъ хуже! Довели! — Радуйтесь!» шепчу я, и зажмурившисъ глаза, пригнувшись внизъ! Бамъ! Тrrахъ!! Я въ крапивѣ, въ глухой части сада. Здѣсь никого нѣтъ... При отблескѣ фонарей внизу мой розовый бантикъ отъ косички, одиноко торчащий на заборѣ...

Все равно, это мелочь, не до того...

Рысью несусь ко входу въ кулисы...

Первый актъ кончился, на сценѣ бѣготня. На меня никто не обращаетъ вниманія: актеры сидятъ

по уборнымъ. Это лучше, а то бы узили (у насъ бывали многіе изъ нихъ, дядя самъ игралъ не разъ въ этомъ театре). На сценѣ устанавливаютъ декорацію сада. Я мгновенно орентируюсь (бывала днемъ во время репетицій за кулисами не разъ). Въ углу, около первого плана, лежитъ у стѣны закатанный коверъ. Усѣсься на корточки, устроивъ себѣ норку между ковромъ и стѣной — дѣло одной секунды, высовываю носъ, какъ мышь изъ щелки, и, съ готовымъ выпрыгнуть изъ груди отъ счастья сердцемъ, жду... Жду, когда поднимется занавѣсь...

**

Передъ началомъ четвертаго акта замираю отъ тревоги. Надо мной раздаются голоса... Одинъ — гастролера, — другой дядинъ! Я опускаю голову въ колѣни, стараюсь не дышать и вдругъ... громко чихаю!

Какое ужасное невезеніе!

«Господи, какъ Тебѣ не стыдно?! Неужели не можешь помочь рабѣ Твоей Екатеринѣ», шепчу я, побагровѣвъ отъ ужаса...

— Выѣзжай, разбойница! строго говорить дядя, сначала онѣмѣвшій отъ удивленія.

Четыре руки выгребаютъ меня изъ моего убѣжища. Видѣй у меня, должно быть, очень не важный, потому что оба они вдругъ покатываются со смѣху.

Ура! Разъ смѣются, — не все еще погибли!

— Дядичка, бормочу я, сложивъ умоляюще руки: прости!.. Позволь остаться, не выдавать, дядичка! Онѣ «старшія», онѣ не поймутъ, а ты не «старшій», ты актеръ, ты поймешь, я тоже буду актрисой.

Меня ведутъ въ уборную, къ комической старухѣ, моютъ мнѣ лицо, счищаютъ пыль,

Е. Н. РОЩИНА-ИНСАРОВА.

Фото Марковичъ.

дають конфеты и яблоко...

Я слышу возлѣ себя удивленія, ласково восклицанія, и чьи-то, звучавшія пебесной музыкой слова:

— Что-жъ тутъ удивительного. Это — кровь Рошина. Дѣвочка не можетъ быть иной, это сильнѣе ея, посмотрите на нее, — выпитый отецъ...

Меня цѣлютъ, ласкаютъ и къ началу акта, я, сіяющая, гордая, сижу на стулѣ въ кулисѣ и знаю, что досмотрю спектакль до конца.

Послѣ окончанія, мой бѣдный, дорогой баловникъ дядя, ускользнувший подъ какимъ-то предлогомъ отъ своихъ дамъ, вѣдѣть меня изъ за кулисъ, по темнѣмъ, боковымъ алейкамъ, покрытую съ головы до ногъ чьимъ-то большимъ платкомъ, и мы мчимся на извозчикѣ домой.

**

Я отдыходила въ Финляндіи, въ санаторіи «Рауха», усталая послѣ зимняго сезона, моего первого сезона въ Петербургѣ, весеннихъ гастролей въ Варшавѣ и поездки по Царству Польскому.

Лежа цѣлыми днями въ гамакѣ среди сосновъ, вспоминала и перебирала всѣ волнующія впечатлѣнія первыхъ крупныхъ успѣховъ.

Я была очень молода, и очень счастлива. За завтракомъ подали телеграмму:

«Выѣзжайте немедленно, открытие 10-го, идетъ «Гроза». Привѣтъ. Карновъ»*).

Никогда не забуду того страшнаго волненія, которое меня охватило...

Боже мой, «Гроза»! Вѣнецъ моихъ мен-

* Гл. режиссеръ театр. Литер. Худож. О-ва (иначе Малаго) въ Петербургѣ.

Фото Марковичъ

Е. Н. РОЩИНА -
ИНСАРОВА
въ постановкахъ
«Бродячихъ Комедиантовъ».

тани! «Катерина», единственный, непревзойденный, неповторимый образъ русской женщины. Образъ, который мучилъ меня по ночамъ, который я видѣла передъ собой такъ ясно, и которому я отдавала всю мою душу.

Высокая, стройная, съ соболинными бровями, съ опущенными рѣсицами, точно сошедшая съ картины Нестерова, съ кованной золотой новязкой до бровей, въ темномъ, старинномъ сарафанѣ, съ головой, покрытой «въ роспускъ» парчевымъ платкомъ...

**

Въ день генеральной репетиціи, утромъ, получила записку отъ пріятельницы, влюбленной въ русскую старину.

«Дорогая, прѣѣжжайте! Нашла у антиквара для вашей «Катерины» совершенно замѣчательное старинное платье».

Немедленно полетѣла къ ней на Васильевскій Островъ. Платье оказалось, дѣйствительно, чудеснымъ, но для «Катерины» не подходящимъ.

Выходя на улицу, остановилась у подъѣзда, вдохнула утренній, осенний воздухъ, кто не помнить этого особенного Петербурга-

скаго воздуха — бабыго лѣта? — И вдругъ закружила голова, и скакало сердце отъ ужаса...

Черезъ часть репетиція... Что, если не поймутъ?!. Не захотятъ понять моей «Катерины»!! Скажутъ, что не то, что играть надо не такъ, что она не такая!

А я другой не видѣла, не понимала, и не могла себѣ представить...

Я знала, что моя Катерина жила, страдала, ходила по городскому саду у обрыва надъ Волгой, и то, что этому могли не повѣрить, — было ужасно.

Подай, Касатка, на переселенцевъ, Христа ради, — раздался за моей спиной пѣвучий, причитающій бабій голосъ.

Я обернулась, и ахнула.

Въ темномъ платьѣ, со скорбно сжатыми губами, съ опущенными рѣсицами, передо мною стояла она — моя Катерина, живая, не выдуманная, моя, какую я знала, моя, какую я любила! Я бросилась къ бабѣ... Боже, какое лицо! Незабываемое! Скорбное, строгое и такое дѣтски-чистое, и такое русское...

— Въ Баку ёду, милая, къ мужу; ребенокъ,

вишь, плачетъ, исть яму охота, а чѣмъ на-
кормишь? Чистая бѣда. Не наберу никакъ
на билетъ то... Шутка ли, два рубля восемь
гривень, слышь, еще требоваться. Помоги
кормилица, заставь Бога молить.

Я, вся дрожа отъ восторга, не сводя съ
нея глазъ, высыпала ей всѣ мои деньги.

Не забуду, какъ всыхнуло и освѣтилось
все ея лицо.

— Что-ѣ-то ты родимая, никакъ все от-
дала? Мать Пречистая, да тутъ ишь золото?!

Баба вдругъ выпрямилась, и истово, ка-
саясь рукой земли, поклонилась мнѣ.

— Пошли тебѣ Господь, до чужого горя
дотошная, охрани тебя Святые Угодники!
Какъ звать-то тебя, молодочка? Какое имя
въ молитвѣ поминать надо? Хочу въ церь-
кву сходить, за тебя свѣчку Владычицѣ Ми-
лостивой поставить...

— Катериной зовутъ меня, милая! Помо-
литься за меня... Трудно мнѣ сегодня очень.

Она вдругъ вся расцвѣла улыбкой.

— Ахъ ты родная, ахъ болѣзная, ишь ты,
какъ вѣдь потрафилось! И меня Катериной
звать, чудно право. Эдакъ-то обѣ встрѣчу-
лись...

Я летѣла въ театръ на репетицію, какъ
по воздуху. Въ душѣ было счастье... Те-
перь я знала, что мнѣ повѣрять, иначе не
было бы этой встрѣчи. Это было какъ зна-
меніе, какъ Божье чудо, а я вѣрила, вѣ-
рю и буду вѣрить въ чудеса!

Гдѣ ты теперь, моя чудесная, моя вымощен-
ная у Бога Катерина?! Помнишь ли ме-
ня, какъ я тебя помню?!

Парижъ. 1934.

Е. Рощина-Инсарова.

ДЕРЕВНЯ СВОБОДНАЯ и КОЛХОЗНАЯ

ПАРАЛЛЕЛИ

Иностранцы, совершающие экскурсии по советской России, обычно ограничиваются посещением двух, самое большое трех административных и промышленных центров ССР и, по полученным впечатлениям, судят о жизни в «великой республике рабочих и крестьян».

И никому из них не приходит в голову, что если советское правительство и проявляет известные заботы в отношении рабочих, то для крестьян у него имеются только карательная экспедиция, выкачивание продналога, «раскулачивание» и «колхозы».

От берегов Северного моря и до Черного на многие, сотни и тысячи верст протянулась советская граница. На запад — страны буржуазного порядка, на восток — неизвестный пространства ССР.

И здесь и там живут одни и те же крестьяне, но какая различна их судьба и их быт! Весьма известно, что, когда, после заключения мирных договоров между советским союзом и прилегающими к нему молодыми государствами, русские земледельцы зачастую или на большую жертву и настойчиво домогались, чтобы их земли остались бы в границах бывшей России. Так велико было отвращение и ненависть сельского населения к «величайшей республике рабочих и крестьян»!

Партия большевиков — это типично городская партия. Когда Ленин и его подручные захватили власть, у него даже не было программы по земельному вопросу, и он

занималась ее у эсеров. Отсюда — глухая враждебность правящей партии к крестьянству, которое она никогда не знала и не понимала. Отсюда эта непрерывная, никогда за годы советской тирании непрекращающаяся война между московской властью и русской деревней.

Последние известия, приходящие из России, снова и снова говорят о грозящем многим миллионам русского крестьянства, когда-то хлебородившего губерний голода. Цельные области Украины и Поволжья требуют немедленной продовольственной помощи, о чем свидетельствуют недавние

ВЪ ЛАТВИИ
Пріездъ городскихъ гостей.

возванія высшихъ представителей епископальной и католической церквей.

Но европейские политики настолько запятые процедурой приема большевиков в Лигу Наций, что стоянки многихъ миллионовъ обреченныхъ на голодную смерть русскихъ крестьянъ до нихъ не доходятъ. Они хотят слышать только о советскихъ достиженияхъ!

**

Печерский край въ Эстоніи.. Несколько десятковъ процветающихъ сель и деревень, населенныхъ тѣми же крестьянами. Храмы, переполненные молящимися, которымъ никто не запрещаетъ исповѣдывать вѣру отцовъ.

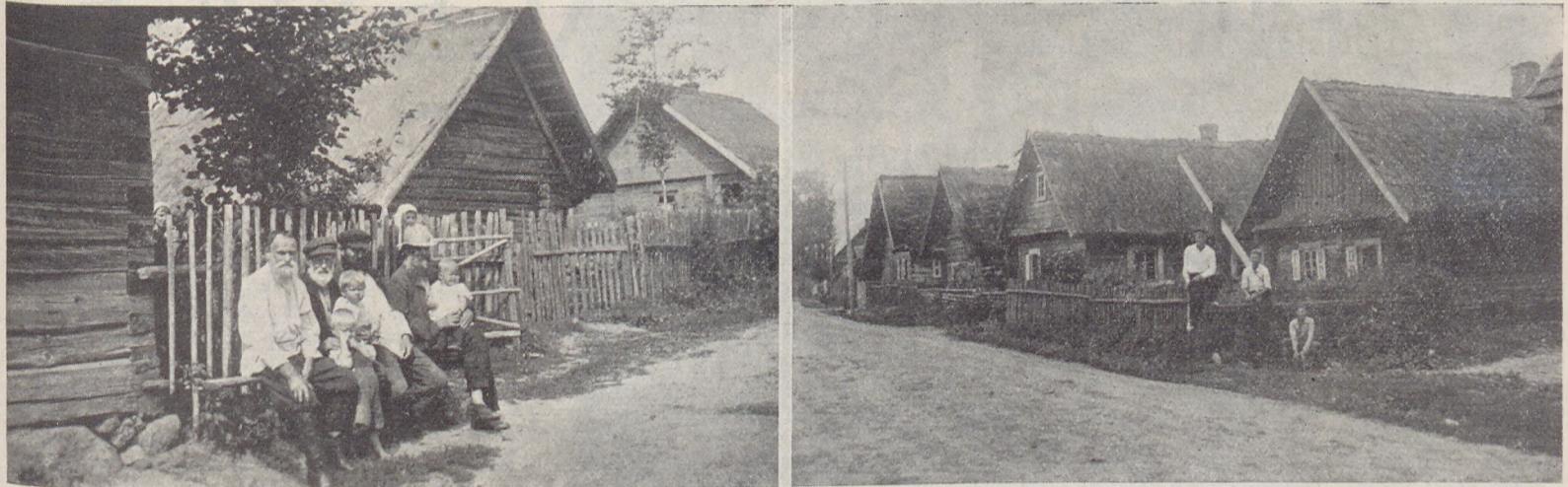
Вѣра и свободный трудъ на землю, воздѣланной рядомъ поколѣй.. И эти два величайшихъ блага, необходимыхъ землеробу, какъ воздухъ, солнечный светъ и влага, дѣлаютъ воинству чудеса.

Скудна земля Печерского края и далеко не всегда ласково сѣверное пебо. И, тѣмъ не мене, здѣсь никто не слыхалъ о недородахъ и голода: привольно и сплошь живетъ сельское населеніе Эстоніи.

Свято чтуть церковные праздники и по-

ВЪ ПОЛЬШЬ
Деревенскій праздникъ на Волыни.

СЕЛО УДЖУСОЛЛАЙ ВЪ ЛИТВЪ

сты, а въ страдную пору отъ зари до зари трудятся надъ кормицей землею. Пашутъ, сѣютъ, косятъ и жнутъ, не видя ни одной комиссарской рожи. И хотя съ нихъ никто не выколачиваетъ «проднога», все налоги вносятся властямъ неправиѣшими обра-зомъ.

А когда наступаютъ большиѣ праздники, торжественныѣ благовѣстъ стоять надъ Пришаровьемъ и Нечерскимъ краемъ, тревожка слухъ тѣхъ, кто съ наганами за поясомъ неусыпно слѣдятъ за тѣмъ, чтобы не пробѣжала мышь че-резъ совѣтскую границу.

Недавно въ эстонской деревни Ряпинѣ (на сѣверо-западѣ отъ Чудскаго озера) состоялся многолюдный съѣздъ «Русскаго христіанскаго движенія крестьянской молодежи». Это новое движеніе преслѣдуетъ цѣль объединить молодыхъ людей, рѣшив-

шихъ посвятить себя переустройству и своей личной жизни и всей жизни русскаго народа на основѣ Христовой правды.

Небогато живутъ русскіе крестьяне въ Латгаліи. Тошная, болотистая земля, скучные урожаи, суровая природа...

И все-таки они благословляютъ свою судьбу за то, что ихъ села и деревни по эту сторону совѣтской границы. О житьѣ - битьѣ русскихъ крестьянъ по ту сторону границы говорить съ ужасомъ, какъ о чемъ-то неописуемо жуткомъ! У многихъ латгалъцевъ въ сов. Россіи остались родные, но о нихъ они не имѣютъ никакихъ извѣстій. Предусмотрительная совѣтская власть переселила все населеніе приграничныхъ деревень вглубь Россіи и даже въ Сибирь, а на его мѣсто водворила коммунистовъ - партійцевъ.

Сосѣство съ совѣтской границей налагаетъ на эти приграничныѣ деревни печать тревоги. Какая-то особенная мгла стоитъ лѣтнимъ днемъ надъ просторами такого близкаго СССР. И за зелеными лугами и лѣсами, за пыльными, ухабистыми дорогами и оврагами чудится страшный ликъ подъремной Россіи.

**
Въ Литвѣ крестьянскія села уютны и благообразны. Крыши домовъ крыты, по большей части, соломой. За избами — сады, которые въ этомъ году дали хороший урожай яблокъ и грушъ. Неплохъ также и урожай ржи и кормовыхъ травъ. Все удалось собрать во время.

Съ каждымъ годомъ въ литовской деревнѣ все болѣе и болѣе чувствуется влияніе города. Старая деревня замѣтно меняетъ свой обликъ. Большую роль въ этомъ играетъ разверстаніе старыхъ деревень на хутора и отруба, которое насаждается правительствомъ съ большой энергией. Новые усадьбы мало напоминаютъ прежніе крестьянскіе

**

А вотъ — типичная русская деревня центральныхъ губерній. Дырявые крыши, бревенчатые избы, выбитыя стекла, непролазная грязь дорогъ. Все осталось такъ же, какъ было шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, вѣроѣ, стало гораздо хуже.

Это, вѣроятно, колхозная деревня.

Хуторянинъ.

ВЪ ЭСТОНИИ въ д. Тарвасть въ лѣтній день

И визу....

Въ СССР Орловская губ.

ПАРИЖ - СТРАСБУРГЪ

Очеркъ для „Иллюстрированной Россіи“

ЧЕМПІОНА ХОДЬБЫ

(ОКОНЧАНІЕ*)

Въ марта этого года я прочиталъ всѣ вырѣзки изъ газетъ, въ которыхъ помѣщались свѣдѣнія относительно состязанія Парижъ-Страсбургъ за послѣднія пять лѣтъ. Изъ всѣхъ участниковъ наиболѣе опасными для меня конкурентами было 5-6 человѣкъ. Остальныхъ я просто не принималъ въ разсчетъ; для меня они какъ-будто не существовали. Подсчитавши среднюю скорость моихъ соперниковъ между контролями, я установилъ разстоянія, на которыхъ они имѣютъ такъ называемую «супер де ромпре».

«Супер де ромпре» — состояніе слабости, котораго самъ атлетъ не замѣчаетъ. Его самочувствіе превосходно, всѣ органы, кажется, работаютъ нормально; ни усталости, ни желанія спать... и лишь предательскій хронометръ отмѣчаетъ, что вы ползете, какъ улитка, и такъ въ теченіе 2-10 часовъ. Единственное средство избѣжать «супер де ромпре» — продолжительная, не менѣе часа, остановка.

Мои противники впадали въ состояніе слабости на перегонахъ, начиная отъ Сен-Дизье и кончая Вуа. Я же прихватывалъ «супер де ромпре» обычно между Люневилемъ и Бакара. Такимъ образомъ, я имѣлъ преимущество, приблизительно, въ сто километровъ. Надо было только, чтобы избѣжать слабости, остановиться въ Люневилемъ и постараться взять авансъ во время отдыха другихъ.

Далѣе я замѣтилъ, что при быстромъ, иногда до 12 км. въ часъ, ходѣ, очень рѣдкіе ходоки дѣлаютъ 200 кил. въ 24 часа. Какъ обыкновенно, по классическому правилу всѣхъ состязаній, я старался уже при отправкѣ занять выгодное положеніе и приходить въ Шато-Тьери (ок. 100 км.) со средней скоростью около $9\frac{1}{2}$ км. въ часъ. Тотъ, кто бы могъ сдѣлать первые 200 км. съ регулярной скоростью 8 км. въ часъ, по моимъ расчетамъ, долженъ быть свалиться на плечи головныхъ ходоковъ около Витри ле Франсуа, и онъ былъ бы менѣе утомленъ. Я рѣшилъ прибѣгнуть къ этой тактикѣ.

Моимъ «стратегическимъ» расчетамъ могли помѣщать мои же собственныя... ноги. Въ 1931 году я былъ принужденъ прибѣгнуть къ хирургической операциіи и съ оторванными ногами пролежать около 2 мѣсяцевъ въ кровати. Въ 1932 году мои ноги предали меня вторично, но изъ моихъ неудачъ я все-таки извлекъ и кое-какие уроки. Во-первыхъ, я уѣхалъ на опытѣ, что грубая кожа на ногахъ уменьшаетъ шансы на побѣду, такъ какъ подъ нею очень трудно замѣтить мозоли, которые, обыкновенно, при ходьбѣ надрѣзаются и прижигаются эфиромъ. А если и удавалось находить мозоли, то это были, вѣрнѣе, большія раны и принимать предохранительные мѣры въ такомъ случаѣ было очень поздно. Я началъ ухажи-

вать за ногами такъ же, если не большие, какъ современные дамы за своими руками. Я добился того, что кожа на ногахъ стала нѣжна, какъ на лицѣ, а чтобы увеличить крѣпость ея, началъ мыть ихъ три раза въ недѣлю въ растворѣ воды и формоля. Наконецъ, я нашелъ жиръ, который въ буквальномъ смыслѣ приклеивалъ чулокъ къ ступнѣ и не позволялъ ему скользить между послѣдней и подошвой ботинка, что мѣшало образованію мозолей. Кромѣ того, я сдѣлалъ четыре пары ботинокъ, вѣсъ которыхъ уменьшался на 200 граммъ. Такимъ образомъ, въ концѣ состязанія я имѣлъ ботинки, вѣсившіе на 800 граммъ менѣе, чѣмъ тѣ, въ которыхъ я начиналъ состязанія.

1 августа летчики Кодосъ и Росси дали стартъ, и мы отправились съ площади Республики въ Страсбургъ. Два раза на протяженіи 20 километровъ мой менаджеръ г. Мишонъ задерживалъ меня, такъ какъ я, не отдавая огчета, начиналъ идти слишкомъ быстро. Въ Мон я пришелъ 28, со средней скоростью 9 км. въ часъ. Безъ всякихъ усилий на пути въ Ля Ферте су Жуарре я обошелъ еще 11 человѣкъ и около полуночи былъ въ Шато Тьери восьмымъ. Такимъ образомъ, совершенно свѣжимъ я вмѣшался въ компанию головныхъ ходоковъ, которые рѣзали другъ друга безъ пощады. Я избѣгалъ борьбы и обходилъ обезсиленныхъ противниковъ. Шестымъ въ Эперней, третьимъ въ Шалонъ — это меня ободряло. Въ Витри я пришелъ вторымъ на шесть минутъ позднѣе Шеминантъ. У перехода черезъ желѣзную дорогу за городомъ разстояніе между мною и первымъ сократилось до 300 метровъ. Я бы могъ догнать и обогнать моего противника, но мнѣ было выгоднѣе его обезсилить и вывести изъ строя часовъ на 10. Я занялъ угрожающую позицію сзади и принудилъ Шеминантъ идти усиленнымъ аллюромъ, т. е. дѣлать больше того, на что онъ былъ способенъ. Послѣ 18 км. преслѣдованія, усталый Шеминантъ внезапно свернулъ съ дороги и усѣлся отдохнуть, а я продолжалъ дорогу. Сен-Дизье, Баръ ле Дюкъ, Лини ан Баррія... Въ послѣдній городишко я прибылъ со скоростью 10 км. въ часъ. Дѣлалъ это я не безъ задней мысли, такъ какъ рѣшилъ, пройдя контролль, немного отдохнуть. А такъ какъ головные ходоки обыкновенно сопровождаются сотнями и тысячами любопытныхъ, то я разсчитывалъ, что кто-нибудь изъ этихъ «вольныхъ ходоковъ» разболтается съ моними противниками и скажетъ имъ, что я иду очень быстро, что я — въ полной формѣ и т. д. и что, въ концѣ концовъ, такія свѣдѣнія обо мнѣ подорвутъ морально моихъ соперниковъ. По выходѣ изъ Лини, я остановился, смазалъ ноги жиромъ, перемѣнилъ трусики и фуфайку, надѣлъ еще теплую фуфайку и длинныя брюки и тронулся.

Сентъ-Обанъ, Мениль ла Орнъ, Вуадъ...

Вторая безсонная ночь... Еще три часа ходьбы и я — въ Тулѣ, не въ моей россійской Тулѣ, а во французскомъ довольно большомъ городѣ. Предмѣстье Туля — военный городокъ. Повсюду солдаты, которые меня привѣтствуютъ. Но что это? **Эй** ухнемъ?.. Сотни четыре солдатъ, стоя за проволочной оградой, распѣваютъ пѣсню бурлаковъ. Повидимому, они находятъ, что это пріятнѣе для меня, чѣмъ, напр., аплодисменты. Я ихъ тоже привѣтствую и... мимо... въ Нанси. Въ Нанси я побиваю на 1 1/2 минуты міровой рекордъ ходьбы на дистанцію въ 350 км. Дальше, дальше... Домбаль... Люневиль — мѣсто моей «супер де ромпре». Я не чувствую слабости, но изъ предосторожности останавливаюсь и... засыпаю, правда, не надолго, всего на 15 минутъ. Нервы напряжены до такой степени, что мысль работаетъ и во снѣ, и я просыпаюсь самъ, никакъ не буженный. Мои трусики и фуфайка въ плачевномъ состояніи: около 4-хъ часовъ я шелъ подъ проливнымъ дождемъ и все загрязнился. Я мѣняю одежду, моюсь, причесываюсь — и въ дорогу. Иду довольно быстро, чтобы прийти въ Бакара засвѣтло. Я никогда не оглядываюсь назадъ, и по выходѣ изъ Бакара мнѣ говорятъ, что за мною слѣдуютъ около 2.000 человѣкъ и болѣе шестисотъ велосипедистовъ. Вся эта толпа распѣваетъ въ тактъ шагу пѣсни. Тѣмъ лучше: третья ночь самая трудная. Кажется, вотъ-вотъ заснешь на ходу, а пѣсни, крикъ, ругня столкнувшихся велосипедистовъ, гудки автомобилей — все это развлекаетъ.

Роннъ - Этанъ... на улицахъ весь городъ... Толпа за мною увеличивается и въ Сентъ-Діе я съ трудомъ пробиваюсь сквозь толпу къ контролю. Дождь лѣтъ, какъ изъ ведра. Я смазываю ноги масломъ, чтобы предохранить ихъ отъ холода, надѣваю непромокаемый плащъ и въ дорогу: предстоитъ одолѣть Саальскій перевалъ.

Мой менаджеръ запрещаетъ мнѣ идти быстро и опредѣляетъ мою скорость: пять съ половиной километровъ въ часъ, не болѣе, чтобы имѣть въ резервѣ кое-что на случай возможныхъ атакъ. Ночь, какъ и дорога, темны, и вдобавокъ еще проливной дождь. Медленный шагъ, шумъ дождя вызываетъ непреодолимое желаніе поспать. Я ничего не вижу передъ собою и останавливаюсь: спать... спать... Хотя бы полчаса, чтобы перебить сонъ... Мнѣ говорятъ, что въ 200-300 метрахъ есть деревушка, и мой менаджеръ мчится на велосипедѣ приготовить мѣсто для отдыха... Я иду, иду... Какъ длинны кажутся эти 200 метровъ... Наконецъ... Школьный учитель застанѣ, въ предвидѣніи ходоковъ, приготовилъ матрацъ и горячій кофе. Я первый ложусь и засыпаю мертвымъ сномъ. Черезъ 15 минутъ я просыпаюсь самъ, пью кофе съ молокомъ (лучшее средство, чтобы отогнать сонъ) и выхожу на улицу.

*) См. №№ 36 и 37 «И. Р.»

Бррр... какъ холодно... Дождь не перестаетъ поливать дорогу... Гдѣ-то по сторонамъ, на склонахъ горъ, покрытыхъ словымъ лѣсомъ, свищетъ вѣтеръ...

Въ деревушкѣ Сен-Маргеритъ меня поджидаютъ человѣкъ двадцать скаутовъ и нѣсколько десятковъ любопытныхъ, съ которыми я, подъ дождемъ, начинаю взбираться на перевалъ. А вотъ и Сааль, деревушка съ двумя-тремя гостиницами. Въ одной изъ нихъ контролъ. Я расписываясь, вышиваю большую миску Мальтобель, и надѣваю легкіе ботинки: осталось 65 км. и, на случай угрозы, надо быть обутымъ легко.

Утро... Я имѣю около полутора часовъ аванса и спускаюсь медленно въ Ширмекъ, отказываюсь отъ соблазнительныхъ предложенийъ выпить рюмку кира или мирабели.

Въ Ширмекѣ я уже чувствую себя победителемъ. Я останавливаюсь, переодѣваюсь, чтобы не войти въ Страсбургъ грязнымъ, читаю газету, проглатываю за членѣемъ нѣсколько кусковъ ветчины. Мой менеджеръ тоже подкрѣпляется... Я чувствую себя въ такой прекрасной формѣ, что не боюсь потерять еще сорокъ минутъ...

До Страсбурга еще 47 км. Надо немножко подбадить шагу. Я начинаю идти со скоростью около 8 км. въ часъ и вдругъ, въ Юрматѣ, вспоминаю, что въ прошломъ году упалъ какъ разъ на площади этой деревушки, и хозяинъ кафѣ проявилъ такую заботливость, что я рѣшился еще остановиться. Я угощаю всѣхъ киршемъ, выпиваю кофе и, потерявъ еще 15 минутъ, испаряюсь. Итакъ, въ общей сложности, я дѣлъ добровольно приблизился къ себѣ Шеминанту на 1 часъ.

Въ Дингстѣмѣ мнѣ говорятъ, что я имѣю только двадцать шесть минутъ аванса надъ вторымъ. Я рѣшился испытать свой резервъ и прохожу контроль и городишко Мютцигъ съ замѣчательной скоростью около 11 км. въ часъ. Въ продолженіи 20 минутъ ходьбы я «краду» у Шеминанта девять минутъ. Значитъ, я могу идти почти вдвое быстрѣе его... начинать, «есть еще порохъ въ пороховницахъ»... И, значитъ, не стоитъ беспокоиться, надо только поддерживать среднюю скорость...

Въ предмѣстіи Страсбурга я имѣю еще на тридцать минутъ больше аванса, чѣмъ въ Мютцигѣ. Но...

Теперь уже нѣтъ сомнѣнія, что я приду первымъ. Сотни автомобилей и велосипедистовъ, тысячи пѣшеходовъ, фотографы, кинооператоры, музыканты, громкоговорители — все это кружитъ голову... — Въ воздухѣ такой гулъ, что я не слышу голоса своего менеджера. Толпа мѣшаетъ мнѣ идти, кинооператоры тоже... они хотятъ, чтобы я имѣлъ позироваль... Извольте, вѣтъ вамъ поза, но дайте мнѣ дорогу...

У вокзала меня окружаютъ цѣлая бригада полицейскихъ, безъ помощи которыхъ я не смогъ бы пробраться на площадь Клебенба.

Теперь больше мѣста. Я иду такъ быстро, что толпа бѣжитъ за мною. Дѣлаю «почетный кругъ» съ предѣльной скоростью и прохожу линію «агриве», сдѣлавши 523 км. въ 74 часа 8 минутъ и побивши міровой рекордъ ходьбы на эту дистанцію...

П. Юшковъ.

Оть редакціи: Авторъ просить исправить неточность въ подписаніи къ фотографіи въ № 34 «И. Р.». Эта фотографія изображаетъ прибывающіе въ Труа, а рядомъ съ П. Юшковымъ не его жена (П. Юшковъ — холостъ), а королева спорта этого города.

ПАРИЖЪ - СТРАСБУРГЪ ВЪ 1930 Г.
П. Юшковъ, пришедший вторымъ, въ кр угу спортсменовъ и поклонниковъ.

ТРИ РУССКИХЪ ТАЛАНТА

(См. стр. 9; Окончаніе)

А только, ваше величество, Сергѣевъ офицеръ преотличный.

— Любо послушать! обрадовался Петръ.
Эй, капитанъ, выходитъ къ намъ!

Сергѣевъ вышелъ изъ-за печки и потянулся за шляпой.

Поручикъ поглядѣлъ на царя, на Меншикова и, видя, что тотъ и другой улыбаются, спросилъ Сергѣева:

— Никакъ, Фома Афанасьевичъ, съ царской милостью? Радъ за тебя. Достоинъ,

Ст. сержантъ Иностранного легіона НИКИТИНЪ, погибшій около Феса въ Марокко, при паденіи мотоциклетки.

право достоинъ. Помоги Богъ!

— Ну, капитанъ, принимай отъ поручика обозъ! сказалъ царь. — Да не будь свиньей, з вступи въ карауль, смѣни сотовариша, а онъ пусть съ нами водочкой отогрѣтъся.

И когда Сергѣевъ выходилъ изъ комнаты, Петръ закричалъ ему вслѣдъ:

— А третью загадку-то и забылъ?

Никакъ нѣтъ! обернулся Фома. Сильный булатъ, смѣлѣй солдата, вѣрна, какъ коинъ, за ней хоть въ огонь.

— Ну?! сразу-же спросилъ царь.

— Царская милость! уже въ дверяхъ крикнулъ Сергеевъ и вышелъ на дождливую ночь.

Еще до разсвѣта выѣхалъ Петръ изъ Валуевки, чтобы скакать съ Меншиковымъ на вѣтрѣчу обозамъ.

Прѣѣзжая Валуевку, царь крикнулъ въ темноту ночи:

— Кто въ караулѣ?

— Капитанъ Сергѣевъ! донеслось изъ темноты.

Петръ придержалъ коня и спросилъ:

— Много-ли загадокъ въ запасѣ?

Шлепая по лужамъ, подбѣжалъ Сергѣевъ къ царю и, снявъ шляпу, отвѣтилъ:

— Во всѣхъ прорѣахъ напихано, ваше величество.

— Богатъ ты, Сергѣевъ. Не гордись во богатствѣ! и уже тронулъ коня, когда капитанъ сказалъ вслѣдъ:

— Да нешто мое, ваше величество! Раны отъ шведки, волчокъ отъ Федки, а загадки отъ денщикника Петѣки!

— Вотъ хлюсты! снова придержалъ коня Петръ. — Такъ что-же у тебя своего?

— А ничего, ваше величество. Одна сmekalка!

— Ну, что? спросилъ царя Меншиковъ.

— Вотъ тебѣ и третій русскій талантъ! Искусность, находчивость и смекалка. Плакали твои денежки!

— Проигралъ! согласился Петръ. — Твоя взяла.

Въ непогожей тѣмѣ захлесталъ дождь. Царь надвинулъ на самыя брови сыруш шляпу и, пустивъ коня широкимъ галопомъ, скрипилъ губу:

— Имѣ-бы, сучьимъ ребятамъ, Европу-бы поглядѣть, такъ черезъ сто лѣтъ за поясъ заткнуть могутъ!..

Влад. Гущикъ.

РУССКАЯ КУХНЯ

Прошлое и настоящее нашего поварского искусства

Москва... Коллективизация, социализация... Общественные столовые, кухни-фабрики...

— Послушайте, господин заведующий, я изъ щей вторую веревку вылавливаю! — воропит посытитель общественной столовой.

— Во-первыхъ, гражданинъ, это не ветревка, а шпагатъ, а во-вторыхъ, это шпагатъ, на которомъ колбаса и ветчина висѣли. Отъ него одинъ только наваръ во щахъ получается!. У васъ, гражданинъ, буржуазныя наклонности не изжиты... Впрочемъ, по плану самокритики, я съ вами согласенъ. Сдѣлаю распоряженіе на кухнѣ, чтобы лучше вылавливали...

— Гражданинъ заведующий! — ореть кто-то съ другого конца столовки, — гвоздь нащель въ котлетѣ. Ей Богу, зубъ не береть. Попробуйте сами?..

— Дѣйствительно! Вотъ мерзавцы, такой дефицитный товаръ, какъ гвозди, а въ котлеты суютъ!..

**

Революціонный Петербургъ... Зима... Выпалъ глубокій снѣгъ. Сани легко скользятъ, иногда подпрыгивая на трамвайныхъ рельсахъ. Лихачи покрыли своихъ рысаковъ разноцвѣтными сѣтками. Широкія, пущистыя, медвѣжьи полости тепло покрываютъ ноги сѣдовокъ. Лихо подкатываются они къ залитому свѣтомъ подъѣзду.

Большой, двухъѣздный залъ...

— Все готово, — почтительно докладывала метръ д-отель.

Обѣдъ сервированъ на 20 человѣкъ. Цвѣты изъ Ниццы нѣжными пятнами, какъ пастельные краски на большомъ, овальномъ столѣ рядомъ съ блестящимъ хрусталемъ, серебромъ и фарфоромъ. По бокамъ стѣнъ разставлены «закусочные» столы съ безчисленными блюдами закусокъ и шеренгой бутылокъ водокъ и настоекъ.

А вотъ и меню обѣда, написанное непремѣнно по-французски. Въ него, обыкновенно, входили слѣдующие элементы:

Пэль-эль или портеръ.

1. Французскій супъ, русская уха или борщокъ съ множествомъ сортовъ всевозможныхъ пирожковъ, ватрушекъ или же гренковъ.

Старая Мадера.

2. Рыба (стерлядь, лосось, осетрина, а изъ французскихъ рыбъ — соль или же тюрбо).

Бѣлое рейнское вино.

3. Суфлѣ (воздушный пирогъ изъ омара, дичи или же набора всевозможнаго бѣлаго мяса) или

Срасбургскій пирогъ (паштетъ изъ гусиной печени съ трюфелями) съ кисломъ-сладкимъ соусомъ — Кумберлендъ или же Ворчестеръ.

Бѣлое бордоское вино.

4. Жаркое (сѣдло дикой козы, филе Годаръ, турнедо или же молодой вепрь).

Красное бордоское вино.

5. Замороженный пуншъ, съ ананасами.

6. Дичь (фазаны, молодые тетерева, рябчики, бекасы или же индѣйка, начиненная орѣхами).

Красное бургундское вино.

7. Сезонный салатъ.
8. Зелень (спаржа, молодой горошекъ или артишоки) съ 2 соусами.

Шампанское.

9. Парфѣ (замороженная сбитая сливки съ ягоднымъ сокомъ).

10. Сыры.

11. Фрукты.

12. Кофе и ликеры.

«Контантъ», «Кюба», «Дононъ», «Эрнестъ», «Медиѣль», «Эрмитажъ», «Большая Московская» и — нѣть имъ числа — все название ресторановъ, которые говорятъ многое彼得буржцамъ и москвичамъ и всѣмъ вообщѣ, кто бывалъ въ нашихъ столицахъ.

О русскомъ хлѣбосольствѣ — завтрахъ, сбѣдахъ и ужинахъ существуетъ цѣлая литература. Много знаменитыхъ людей въ своихъ мемуарахъ удѣлили мѣсто русской кухнѣ.

Какъ ъдали?!. Есть, что вспомнить!

Кромѣ изысканныхъ обѣдовъ, изготовленныхъ по рецептамъ международной гастрономіи, въ Россіи были дешевые, хорошия блюда, приводившія въ восторгъ каждого, кто къ нимъ прикасался: борщи, уха изъ налима или изъ стерляди, растягай, кулебяки разныхъ сортовъ, пироги, пирожки, блины, поросенокъ подъ хрѣномъ — холодный, горячій поросенокъ съ капустой, пельмени, гурьевская карша и т. д.

Хорошій русскій гастрономъ къ каждому блюду прибавлялъ соотвѣтствующее прила-

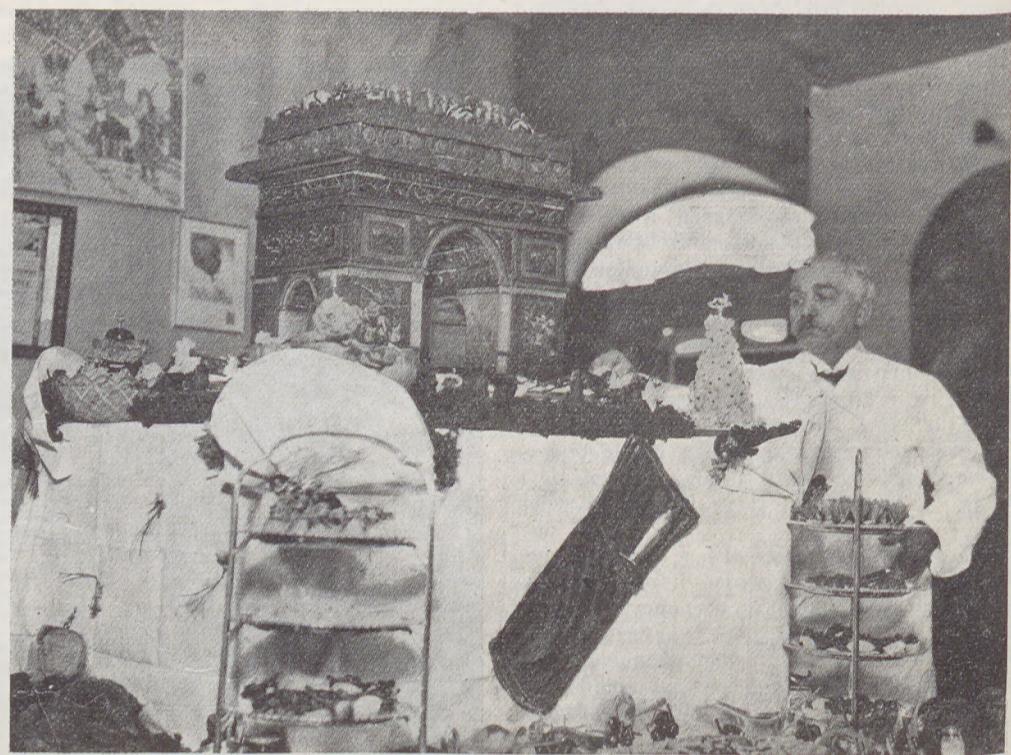
гательное. Сказать, напримѣръ, — просто стерлядь. — Этого мало. Какая стерлядь — волжская, камская, двинская или шаховская? Самой лучшей считалась двинская — изъ Сѣверной Двины, а осетрина — кочегурская, форель — гатчинская, корюшка и навага — архангельская, сиги — ладожские, и сколько такихъ прилагательныхъ было въ странѣ, где все начиналось и кончалось за пиршественнымъ столомъ.

Въ эмигрантскомъ положеніи это нехорошо даже вспомнить. Хотя вкусовая ощущенія и сильно притупились на «званихъ бутербродахъ» и «кафе кремахъ», но все же они раздражаются, когда вообразишь себѣ кольчикомъ на тарелкѣ двинскую стерлядь, желтоватую, золотистую съ переливами.

А икра?!. На волжскихъ пароходахъ ее съ зеленымъ лукомъ ложками лѣли. Можетъ быть, это и профанациѣ, но зато достойная самаго продукта. Она именно въ такомъ видѣ и вкусна, съ теплымъ калачикомъ и рюмкой замороженной водки.

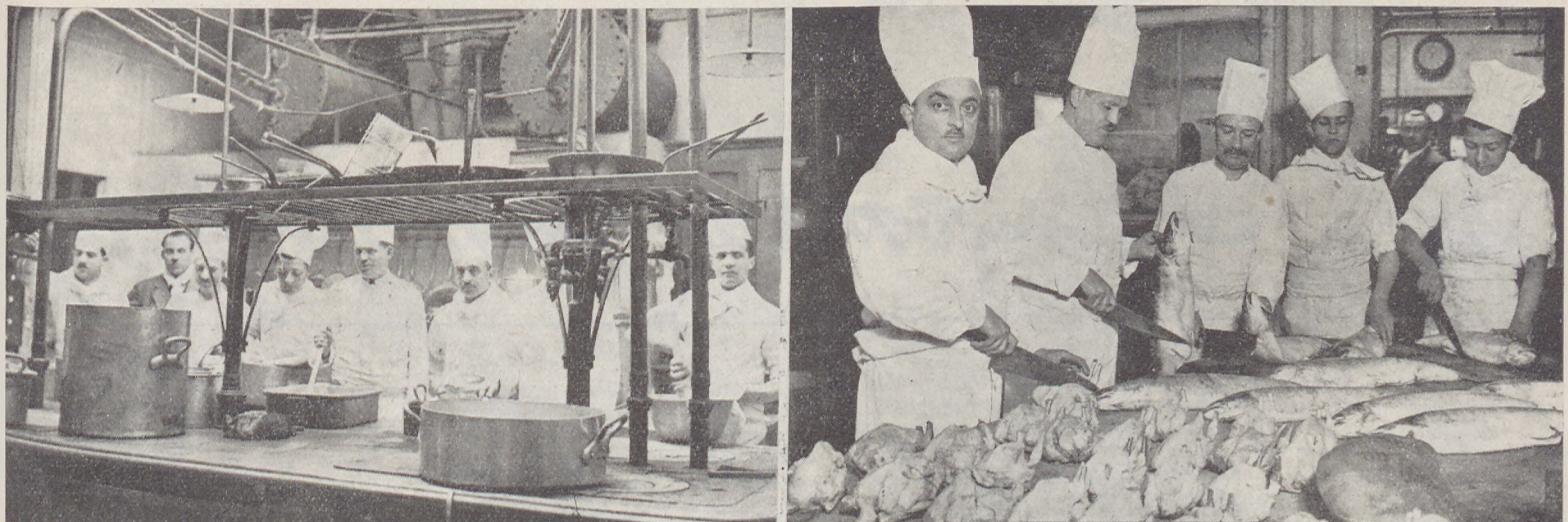
Угостить было въ традиціи и останется въ русскомъ народѣ, несмотря на соціастическую щи, каршу и котлеты и эмигрантское недобданіе.

Въ своемъ великомъ исходѣ, часть русскаго народа вывезла за границу все, чѣмъ болѣла и чему радовалась. Пѣсню, музыку, балетъ и обычай нашего гостепрійства, нашего желанія и умѣнія угостить. Вмѣстѣ со всеми покинули родину и русскіе повара

Ф. Д. КОРНИЛОВЪ

у сладкаго пирога въ видѣ Тріумфальной арки, сдѣланнаго имъ въ теченіе пяти часовъ на первую выставку кулинарного искусства въ Парижѣ. Это произведеніе было удостоено диплома и золотой медали.

ВЪ СОВРЕМЕННОЙ КУХНѢ ВЪ ДЕНЬ ЗВАНАГО ОБЪДА

— эти маги и волшебники, присоединившие лавровую вѣтку своего искусства къ древку русского национального флага. Ихъ немнога. Они постѣдне изъ могиканъ. Минъ захотѣлось ихъ видѣть и побесѣдоватъ съ нѣкоторыми изъ нихъ.

Ф. Д. Корниловъ — убѣленный сѣдинами старики. Сынъ богатыхъ родителей, учился въ гимназіи, но несмотря на возможныя перспективы, увлекся поварскимъ искусствомъ и вотъ 57 лѣтъ работаетъ около своего любимаго дѣла. Въ его ресторанѣ мало вхожеъ эмигрантскій людъ, но зато иностранная знаменитостіи и наши русскія российские изъ «золотой книги» этого «храма гастрономіи»: Альфонсъ XIII, его супруга, король и королева Сіамскіе, Вандерильдъ, Марлена Дирихъ, Рамонъ Новарро, Петтерсонъ, Шевалье, Рахманиновъ, Шалипинъ, — все подписи, экспромты въ прозѣ и стихахъ. Есть рисунки и автопортреты.

Ф. Д. Корниловъ знаетъ и любить свое дѣло. Когда онъ у плиты, онъ творитъ. Онъ художникъ не только въ подборѣ вкусовыхъ эффектовъ, но и въ исполненіи нѣкоторыхъ блюдъ.

Тріумфальная арка — сладкий пирогъ, — говоритъ Ф. Д. Корниловъ, — изготовленный мною въ теченіе пяти часовъ на первую выставку кулинарного искусства въ Большомъ Дворцѣ въ Парижѣ. Получилъ дипломъ и золотую медаль. Вотъ корабль шоколадный — десертъ на обѣдь англійскаго клуба, во время приема при лица Уэльскаго. Но все это отдалъ эпизоды моей многолѣтней практики. Теперь времена другія, да и люди перемѣнились. Во времена пріѣзда въ Россію, передъ войной, президента Пуанкара для парадного обѣда въ Зимнемъ дворцѣ работало вмѣстѣ со мною 52 повара и 105 человѣкъ помощниковъ. Обѣдъ приготавлялся на 12 блюдъ.

Много было специально русскихъ блюдъ?

Русская кухня тяжелая. 12 блюдъ, пожалуй, не подъ силу и московскому кулинару. Такіе обѣды, въ большинствѣ случаевъ, готовились по французскому образцу. Вообще, въ Россіи, особенно придворной, въ послѣднее время, была введена французская кухня. Она доминировала. Это здѣсь, въ эмиграціи, я веду русскую секцію, но тамъ, въ Россіи, мы придерживались начальъ, зажженныхъ нашими учителями — французами: Ингано, Зеестомъ, Оливье, Кюба и другими. Если нѣкоторая, даже чисто французскія, блюда, приготовленныя русскими поварами, и восхищаютъ любителей хорошо покушать, то это надо отнести, ужъ извините, похвастаемся, къ области нашего русского умѣнья перешеголять своихъ же учителей, а отчасти и къ качествамъ бы-

лыхъ русскихъ продуктовъ. Но не всегда наши продукты могли отвѣтить своему назначению. Напримеръ, телятина. Для торжественныхъ обѣдовъ мы выписывали ее изъ Франціи. Но теперь и во Франціи нѣтъ такой телятины. Послѣ войны перестали такъ откармливать телятъ. Нѣтъ спроса. Циплята — самая лучшая были финляндскія изъ инкубаторовъ.

Вы большой сторонникъ французской кухни?

— Всякая кухня имѣетъ свои преимущества, но у себя на родинѣ. Нельзя, однако, отрицать того, что французская кухня до сихъ поръ не превзошла. Она широка, имѣетъ большую гамму, съ ней легче оперировать почти вездѣ. Русская кухня специфическая и, прежде всего, требуетъ своего клиента. Возьмите — пирожки. Въ Россіи въ хорошихъ ресторанахъ приготавляютъ ихъ специальность, причемъ начинать печь передъ обѣдомъ и пекъ все время, чтобы подать горячими. Кухня, гдѣ пеклись пирожки, должна имѣть определенную температуру. Нельзя, чтобы пирожокъ сквознякъ продулся, и покрыть ихъ салфеткой тоже нужно умѣючи — это наука, практика и любовь къ дѣлу, а все вмѣстѣ даетъ тотъ эффектъ, что у васъ во рту онъ таетъ...

Въ Парижѣ, не у себя въ дѣлѣ, а у чужихъ, работаетъ другая знаменитость.

— Можно повидать П. И. Ловцову? — спрашивала въ одномъ изъ ресторановъ у Елисейскихъ Полей.

Пожалуйста, на кухню — вину.

Спускаюсь по темной лѣстницѣ. Въ чистомъ полуподвалѣ, за столомъ, съ газетою въ рукахъ, отдыхаетъ послѣ завтрака П. И. Ловцовъ. Широкое русское лицо, сѣдая голова и ласковая, располагающая улыбка.

— Русская кухня, говорите? Съ ней связывается вся ширь и размахъ русской науки. Кухня сочная, питательная, богатая, но, къ сожалѣнію, сегодня не по карману намъ, эмигрантамъ. У Александра III былъ специальный русский поваръ Михаилъ Ивановичъ Мурловъ. Это онъ готовилъ знаменитый борщъ, московскую жидкую селянку. Я былъ много лѣтъ шефомъ кухни брата императора, Великого Князя Алексея Александровича. Онъ, какъ и Александръ III, любилъ русскую кухню. Закажетъ, напримеръ, борщъ. Готовили мы его специальность — это наваръ на говядинѣ, телятинѣ, курицѣ и свининѣ со всѣми полагающимися дополненіями. Къ такому борщу полагалось 5-6 сортовъ разныхъ пирожковъ, 2-3 сорта ватрушекъ, затѣмъ «грешники», и иногда и крупеникъ (гречневая каша съ творогомъ, сметаной и сливками, особеннымъ образомъ приготовленная). Послѣ этого лакей подне-

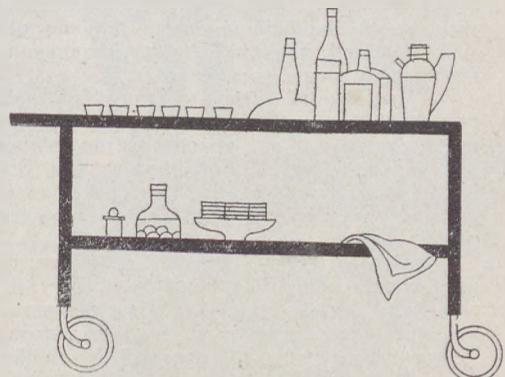
сетъ варенаго мяса. Не думайте, что это кусочки! Кусице въ поль пуда! Тутъ каждый себѣ и вырѣжетъ, кто съ жиркомъ, кто у kostочки, кто съ хрящикомъ. Постѣ такого борща маленький кусочекъ рыбы, или ципленокъ, или рябчикъ и десертъ. Вообще Алексѣй Александровичъ предпочиталъ русскую кухню и любилъ, чтобы подано было много и богато. Если ростбифъ, — то зажаривали его не меньше пуда, тогда онъ сочный и вкусный. Больше же всего онъ любилъ московскую селянку. Рыбу нужно было покупать только живую. Стерлядь, осетрину, филе изъ окуней, срѣшь, корюшки и прочаго. Такая селянка, действительно, напоминаетъ нѣкоторый нектарь. Съѣсть бывало двѣ тарелки и десертъ требуетъ. А обѣдъ готовимъ въ пять, шесть блюдъ, и готовимъ всегда на нѣсколько человѣкъ. Неизвѣстно сколько человѣкъ будутъ приглашены къ обѣду: двое или пять. Не дай Богъ, если чего-нибудь не хватить. «У русскихъ всегда должна быть полная чаша и полный столъ», — говорилъ Великий Князь... Были времена, да и люди другіе. Сейчасъ все измѣнилось, даже продукты не тѣ. Такой земляники, какъ въ Россіи, здѣсь нѣтъ. Бывало сдѣлаешь тортикъ земляничный, внесутъ его въ столовую, и вся она наполнится запахомъ свѣжей земляники, если хотите, повѣтъ лѣсомъ, цвѣтами, свѣжимъ воздухомъ. Здѣсь не то большая она, но водянистая. Нѣтъ того соку, что родная русская земля давала.

Даже грустный стать вдругъ Поликарпъ Ивановичъ, но вспомнилъ и улыбнулся.

— А помните, наши закуски, возьмите простыя, несложныя: тартинка хлѣба съ маслицемъ, на ней ломтикъ свѣжаго помидора, затѣмъ ложка холодной зернистой икры, а сверху грудка рябчика!!!!

— Не раздражайте! — воскликнулъ невольно я и, пожавъ руку, пошелъ доѣдать на ужинъ оставшіяся послѣ обѣда эмигрантскія макароны...

А. Матвеевъ.

Записки репортера

Въ эмиграції сейчасъ мнію говорятьъ объ амністії. По правдѣ сказатьъ, амністія имѣеть для насъ интересъ чисто академическо-го характера. Любителій воспользоваться совѣтскимъ прощеніемъ найдется не много. Какія-бы гарантіи не дали большевики, — имъ все равно не повѣрять.

Нельзя скрывать и того, что за истекшій 15 лѣтъ многие устроились, обзавелись семьями, имѣютъ скромный, но вѣрный кусокъ хлѣба. Такихъ — сотни тысячъ, и никакимъ посуламъ они не повѣрять, ни на какую авантюру не пойдутъ.

Кто же, въ концѣ концовъ, жаждетъ вернуться — не просто въ Россію, а въ Россію совѣтскую?

Ничтожная горсточка разочарованныхъ, обезсилѣвшихъ въ борьбѣ людей. Не устроившихъ, потерявшихъ всякую надежду, павшихъ духомъ.

Одинъ изъ нихъ, безработный, уже немолодой человѣкъ, недавно не выдержалъ тяжкой, голодной жизни и отправился въ совѣтское учрежденіе — просить объ амністії въ частномъ порядкѣ.

Чиновникъ нагло осмотрѣть его съ головы до ногъ и сказать:

— Можете подавать прошеніе на имя ВІЦІКА. Но на успѣхъ не разсчитывайте... Намъ такіе не нужны!

Заплеванный, оскорблений, онъ ушелъ изъ сов. учрежденія, такъ и не подавъ прошенія.

Этотъ человѣкъ больше не думаетъ о возвращеніи въ СССР.

Эмигрантскія газеты обошли исторія Елены Петровны Вербицкой, указавшей большевикамъ мѣсто въ Енисейскѣ, где ся покойный мужъ зарылъ 400 килограммовъ золота.

Вербицкій былъ директоромъ крупного золотопромышленного предпріятія въ Сибири. Когда началась эвакуація, онъ спряталъ въ своеімъ домѣ 2 клада: 300 кило золота замуровалъ въ стѣну дома, и 100 кило подъ поломъ, на кухнѣ. Во время гражданской войны Вербицкій былъ убитъ. Вдова его добралась до Европы и вела здѣсь скромную, трудовую жизнь эмигрантки.

До сихъ поръ исторія не содержитъ ничего невѣроятнаго. Но 11 февраля 1934 года — такъ по крайней мѣрѣ увѣряетъ московскій корреспондентъ «Кельнише Цайтунгъ», къ Вербицкой явился хорошо одѣтый молодой человѣкъ, представившійся, какъ сотрудникъ торгпредства.

Мы знаемъ, что въ Енисейскѣ вашъ покойный мужъ зарылъ нѣсколько ящиковъ съ золотомъ. Сов. правительство склонно вернуть вамъ часть этого золота при условіи, что вы прѣдете въ Енисейскъ на нѣсколько дней и укажете мѣстонахожденіе склада.

Послѣ долгихъ колебаній Вербицкая приняла предложеніе. Сов. правительство гарантировало ей абсолютную безопасность и право вывезти заграницу 40 проц. золота.

Подъ бдительнымъ окомъ ГПУ Вербиц-

кая отправилась въ Енисейскъ. Нашла свой старый домъ. Тутъ ее ждало серьезное разочарованіе. 300 кило золота, замурованные въ стѣну, давно были найдены чекистами. Но оставались еще 100 кило, зарытые на кухнѣ.

Вербицкая приказала ломать полъ и рыть, на глубинѣ 1/2 аршина лопата паткнулась на деревянный ящикъ...

Дальѣ корреспондентъ изъемецкой газеты описываетъ пѣвѣроятный банкетъ, который ГПУ дало въ честь Вербицкой. И, «само собой разумѣется», ей позволили вывезти обѣщанную долю клада...

Все это чрезвычайно смахиваетъ на авантюрный романъ, за подлинность котораго мы не поручились бы. Но вотъ, дѣйствительно, подлинная исторія одного клада. Кончается она не столь благополучно, какъ исторія Вербицкой.

При оставленіи Казани бѣлой арміей, въ лѣсу, въ пустынномъ мѣстѣ, былъ зарыт весь золотой запасъ казанского казначейства. Обѣ этомъ знали лишь 4 человѣка. Троє были впослѣдствіи убиты или умерли въ эмиграціи. Въ живыхъ остался только одинъ.

Сов. правительство предложило ему за громадное вознагражденіе указать мѣсто, где зарытъ кладъ. Быть подписанъ договоръ, создано специальное акціонерное общество. И осенью 1928 года три члена этого общества отправились въ Сов. Россію. Имъ была обѣщана абсолютная неприкосновенность.

Прѣѣхали въ лѣсъ подъ Казань. Нашли зарубки, слѣданные на деревьяхъ. Кладъ находился въ 50 метрахъ отъ этихъ зарубокъ.

И тутъ внезапно большевики прекратили разыски подъ тѣмъ предлогомъ, что выпасть сїѣгъ.

Будущей весной вы вернетесь въ Казань и мы возобновимъ поиски

Клаодискатели запротестовали. Но сопровождавшіе ихъ агенты ГПУ дали понять, что лучше всего убираться по добру по здоровью... И они уѣхали

Большевики затѣмъ спокойно раскопали кладъ. Люди, указавшие имъ мѣстонахожденіе золота, не получили, конечно, ни одного рубля

Вотъ за подлинность этой исторіи мы абсолютно ручаемся.

Барту провелъ свои каникулы въ Швейцаріи, на берегу озера Четырехъ Кантоновъ. Министръ иностраннѣй дѣлъ жаждалъ покоя и одиночества. Какъ на бѣду, какая-то дама познакомилась съ нимъ въ холѣ отеля и не давала ему прохода.

Наконецъ, министръ не выдержалъ.

Мадамъ, я вижу, что вы принимаете меня за Барту, сказать онъ поткай сожалѣнія въ голосѣ. Въ самомъ дѣлѣ, я очень на него похожъ. Многихъ обманываетъ наше сходство... Но я только его двойникъ, мадамъ...

— Ради Бога, извините меня!.. Мнѣ очень непрѣятно...

— Что вы, что вы, мадамъ!..

Послѣ этого дня Барту обрѣлъ покой. Назойливая дама больше къ нему не подходила.

Пошулярная на Монмартрѣ «Нинъ» открыла этимъ лѣтомъ пансионъ въ Сэнѣ Тропе-зѣ. У нея поселился на мѣсяцъ журналистъ Жео Лондонъ. Недавно съ Жео Лондономъ случилась нешѣрѣтность: у него украли бу-мажникъ, въ которомъ было 7.000 франковъ. Принеслось пригласить жандармовъ.

Вы съ кѣмъ-нибудь ужинали вчера вечеромъ? спросили жандармы.

Да...

Отлично! Можетъ быть, мы начали на правильный путь. Съ кѣмъ вы обѣдали?

— Съ Кьянномъ.

Жандармы растерялись.

Все-таки.. Вы не подозрѣваете бывшаго префекта полиції?..

Жео Лондонъ долженъ быть признать, что Кьянъ находится вѣдь подозрѣніемъ.

Тогда мы рѣшительно не знаемъ, гдѣ искать ваши деньги.

7.000 франковъ Жео Лондона исчезли безследно.

Два эмигрантскихъ писателя шли ночью по пустыннымъ парижскимъ улицамъ. Ночь была прекрасная. Настроение философское.

У дома на набережной Малакэ, въ которомъ родился Анатоль Франсъ, они увидѣли памятную мраморную доску. Помолчали. Потомъ одинъ писатель сказалъ приятелю:

Хорошій, въ сущности, у нихъ этотъ обычай: прибивать памятные доски.. А вотъ мы съ тобой помремъ... Интересно, какую надпись на нашихъ домаахъ сдѣляютъ?..

Пауза. Второй писатель:

Я знаю. Вывѣсять объявление: «Сдается квартира».

Предѣдатель парламентской анкетной комиссіи Герію рассказалъ журналистамъ забавную исторію, приключившуюся съ нимъ нѣсколько дней назадъ.

Съ утра мнѣ нужно было повидать министра юстиціи Шерона. Но можно ли звонить министру на квартиру, въ 8 часовъ утра? Рѣшилъ ждать до половины девятаго.

Наконецъ, беру трубку и вызываю: Наси-си, номеръ такой-то. Отвѣчаетъ мелодичный женскій голосъ.

— Могу я говорить съ г. Шерономъ?

— Не знаю, гдѣ сейчасъ находится г. Шеронъ, отвѣтилъ дамскій голосъ. Но, даю вамъ честное слово — не въ моей постели!

Герію описалась номеромъ.

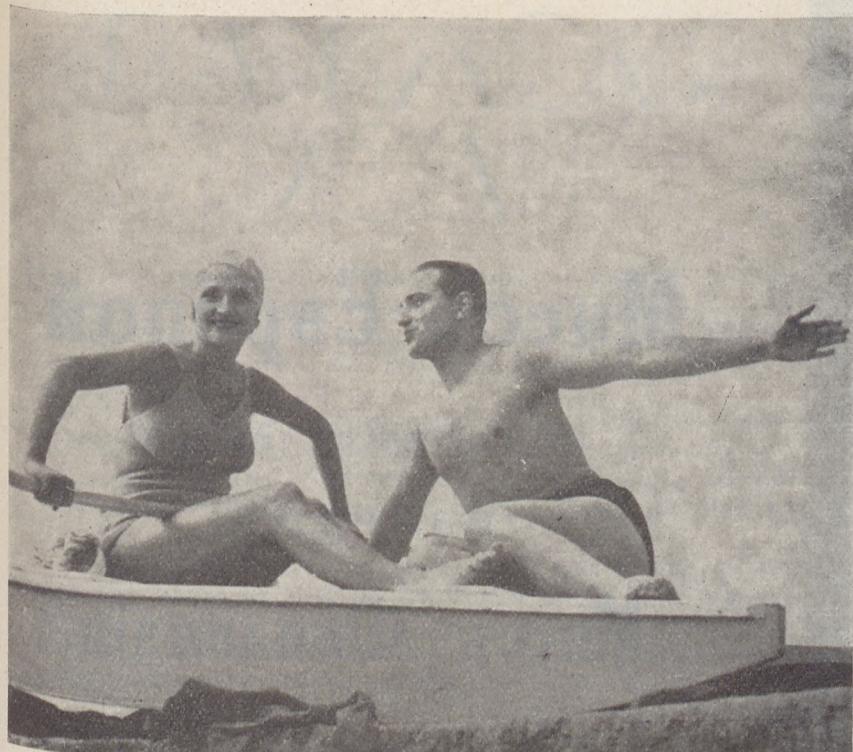
Объявление, вырѣзанное изъ одной вечерней парижской газеты:

«Требуется садовникъ, умѣющій мыть автомобіль, кухарку и фамъ де менажъ».

Вотъ ужъ, дѣйствительно, на вѣ руки мастеръ!

Желѣзная маска.

КАКЪ ОНЪ ОТДЫХАЮТЬ

Французская звѣзда экрана АЛИСА ФЬЕЛЮДЪ проводитъ свой лѣтній отдыхъ въ Біаррицѣ и, конечно, не въ одиночествѣ.

Американская звѣзда экрана КЭЙ ФРАНСИСЪ собирается выйти замужъ за Мориса Шевалье.

Наша сотрудница Н. А. ТЭФФИ прощается съ лѣтомъ на изумрудныхъ берегахъ Марны.

М-ЛЪ Х., еще не ставшая звѣздою, ищетъ сильныхъ ощущеній, буксируемая по морскимъ волнамъ моторной лодкой.

«Мисс Европа» Эстер Тойвоненъ

Поездка европейских красавиц по Франции и Англии превратилась въ занимательнѣйший пикник красоты и молодости, во время которого цѣлый рядъ французскихъ городовъ наперебой старались проявить въ отношении «европейскихъ миссъ» какъ можно болѣе вниманія и гостепріимства.

Эта поѣздка началась съ Виши, куда европейскія красавицы прибыли изъ Парижа въ отдаленномъ вагонѣ еще 18 августа вечеромъ. На другой день онѣ были приняты мэромъ города, причемъ каждой «миссъ» былъ поднесенъ букетъ цветовъ, перевиты лентами ея национальныхъ цветовъ. Вечеромъ состоялся торжественный банкетъ въ ресторанѣ Руаяль, причемъ, при входѣ было такъ много публики, что виновницы торжества не могли войти въ залъ. Автокару пришлось остановиться немного далѣе, была вызвана конная полиція, которая оцепила всю улицу, и только послѣ этого гости попали къ обѣду.

Въ Виши пробыли цѣлую недѣлю, во время которой шли непрерывныя увеселенія и танцевальныя вечера. 23 августа въ окрестностяхъ Виши состоялся «праздникъ цветовъ». Были поданы разукрашенныя коляски, въ которыхъ сѣло по двѣ «миссъ». Во времена баталіи цветовъ «Миссъ Россія» имѣла громадный успѣхъ. Ей не давали проѣхать, прося подписать на память фотографіи и заbrasывая ее цветами.

Во время пребыванія въ Виши европейскія красавицы получили цѣнныя подарки.

27 августа прибыли въ ле-Боль (въ Британіи), гдѣ, несмотря на дождь, празднество

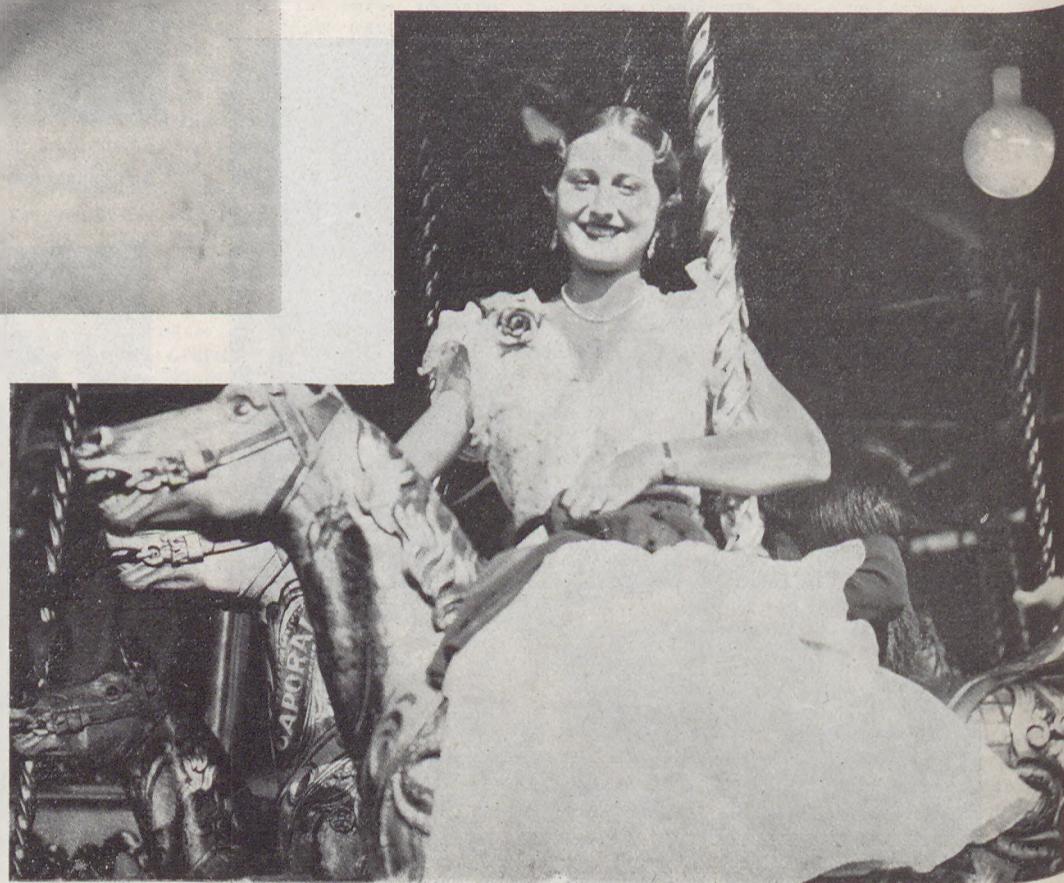
„Миссъ Европой“

въ Гастингсѣ (Англія)

избрана

„Миссъ Финляндія“

фото Мануель

«Миссъ Россія» на карнавалѣ въ Гастингсѣ.

прошли очень удачно и съ большимъ оживленіемъ. 30 августа на автокарахъ къ вечеру прѣѣхали въ Довиль, въ которомъ обычно проводитъ лѣто Е. С. Антонова. Здѣсь ее встрѣтили съ цветами ея отецъ и братъ.

Въ Довилѣ европейскія красавицы представлялись публикѣ въ костюмахъ пляжа. «Миссъ Россія» была въ бѣлой пижамѣ, за которую она нѣсколько времени тому назадъ получила въ Довилѣ первый призъ.

2 сентября состоялся завтракъ въ Отель Нормандія, послѣ чего отбыли въ Дьеппъ, а оттуда на пароходѣ черезъ Ла-Маншъ въ Нью-Хэвенъ, гдѣ туристокъ ждали автожакары для доставки до конечной цѣли путеше-

ствія — Гастингса.

4 сентября въ Гастингсѣ снимались для Парамоунта. Вечеромъ состоялся большой обѣдъ съ участіемъ мэра города. «Королевамъ красоты» на этотъ разъ были поднесены букеты, перевиты бѣлыми лентами.

Выборы «Миссъ Европы 1934» состоялись въ субботу, 8 сентября. Избранной оказалась «Миссъ Финляндія» г-жа Эстер Тойвоненъ, портретъ которой мы приводимъ.

Въ воскресенье, 9 сентября, состоялся большой прѣемъ въ Лондонѣ, въ отель «Вашингтонъ», а 11 сентября все «миссъ», набравшись впечатлений и выполнивъ свой «гражданский долгъ» пустились въ обратный путь.

ПАРИЖСКАЯ МОДА

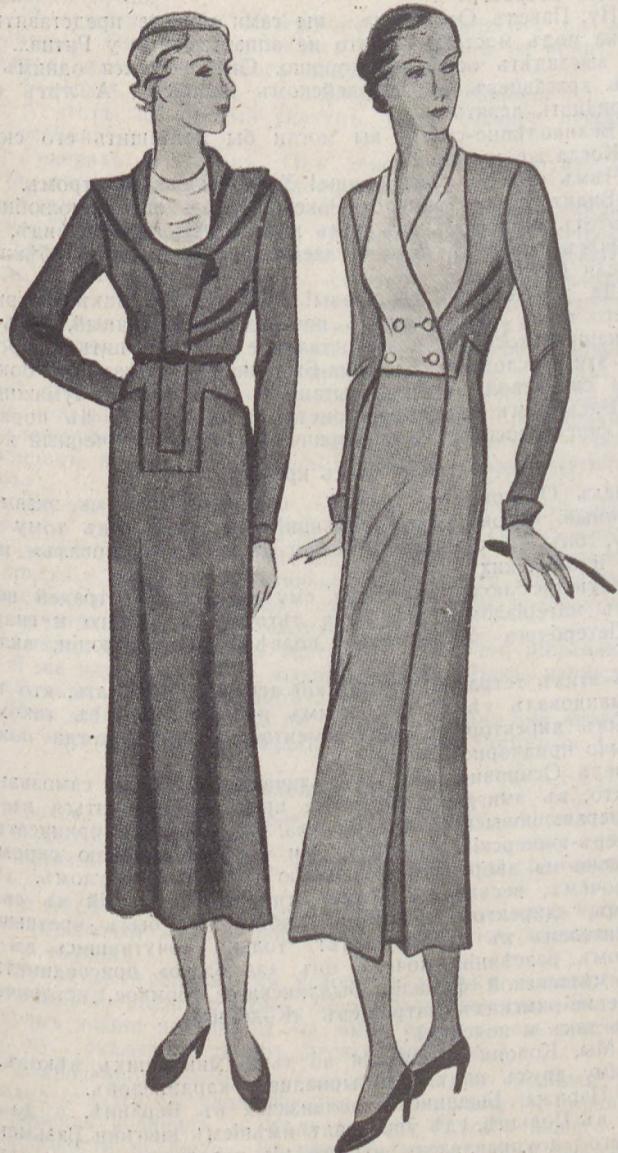
Для начала нового зимнего сезона, я решила дать въ этомъ номерѣ модели тѣхъ вещей, которыя являются самыми существенными въ обновляющемся гардеробѣ каждой женщины, а именно: два дневныхъ шерстяныхъ платья и два пальто.

Теплое платье изъ шерстяной матеріи необходимо каждой женщинѣ. Оно должно быть безъ всякихъ претензій, легко одѣваться, быть практичнымъ и уютнымъ. Очень красиво отдѣлывать такое платье чѣмъ-нибудь болѣе свѣтлымъ въ тонъ, или даже вставкой.

Къ такому платью хорошо сдѣлать жакетъ «три четверти» изъ такой же матеріи. Получится прелестный деми-сезонный костюмъ для спорта. Такой жакетъ долженъ быть широкимъ въ формѣ «рагланъ», съ большими карманами и воротникомъ изъ той-же матеріи.

Пальто для зимы я советую вамъ сдѣлать изъ «велуръ-де-лена». Самымъ элегантнымъ быть и будетъ, конечно, черный цветъ. Такое пальто необходимо отдѣлывать мѣховыми воротникомъ:

Жаклинъ.

1 2

3

4

Рис. 1. Красное шерстяное платье, отдѣланное двойнымъ воротникомъ, изъ подъ которого видна вставка. «Декупъ» юбки образуетъ карманы. 2 метра 50, въ 1 метръ 40 шириной. Патронъ на-заказъ.

Рис. 2. Коричневое платье изъ шерстяной матеріи, прилегающее въ талии и отдѣланное бежевымъ пластрономъ изъ такой же матеріи. Пластронъ застегивается на 4 пуговицы: 2 метра 50, въ 1 метръ 40 шириной. Патронъ 5 фр. 50 съ пересылкой.

Рис. 3. Жакетъ «три четверти» формы рагланъ. Большой воротникъ изъ той же матеріи. 2 метра 80, въ 1 метръ 40 шириной. Патронъ на-заказъ.

Рис. 4. Элегантное пальто изъ плотной шерсти, съ сильно заходящими полами. Оно плотно прилегаетъ къ талии. Кокетка спины, передняя части и рукава кроются изъ одного куска. Мѣховой воротникъ. 3 метра 25, въ 1 метръ шириной. Патронъ 5 фр. 50.

Повѣсть Н. Н. БРЕШКО-БРЕШКОВСКАГО

НОСОРОГЪ ВЪ СИРЕНЕВОЙ ВИЗИТКѢ.

1.

Человѣкъ изъ подъ моста Александра III-го.

— Нѣть, нѣть, милый Тихорѣцкій, этотъ номеръ совсѣмъ не пройдетъ! Для нашихъ князей и графовъ миновали «прекрасные дни Аракжуэса». Поэтому я и не воспользуюсь вашимъ протеже...

Лѣтъ восемь назадъ всѣ они были въ модѣ и за ними охотились не знатныя, но богатыя иностранки, желая украсить двери своихъ автомобилей и углы носовыхъ платковъ соотвѣтствующими коронами...

— Да, но мой «протеже» — грузинскій князь...

— И того хуже! — махнулъ рукой Колонна-Быдлинскій, — послѣ нѣсколькохъ неудачныхъ браковъ, послѣ громкихъ скандаловъ съ такими же скандальными разводами и прочимъ, акціи «кавказской аристократіи» упали окончательно на Нью-Йоркской и Чикагской биржѣ... Теперь эти «невѣсты» поумнѣли и стали разборчивѣ...

Нѣть, миленький мой, день ото дня становится труднѣе для нашего брата, спекулирующаго на человѣческой глупости и человѣческомъ тщеславіи...

А, между тѣмъ, мнѣ какъ разъ — вынь да положь сейчасъ, какого-нибудь титулованнаго господинчика со звучнымъ европейскимъ именемъ.

Разговоръ этотъ происходилъ въ просторномъ кабинетѣ «модернъ», выходившемъ двумя окнами на площадь Святого Августина, между директоромъ и его секретаремъ.

Павель Осиповичъ Колонна-Быдлинскій былъ широкъ, тученъ, но даже и для его фигуры, лицо казалось черезчуръ мясистымъ и крупнымъ. Такой же крупный, съ чувственными толстыми губами, ротъ... Черепъ, какъ тыква, съуживался кверху. Свинцовыя глаза — въ вѣчномъ движѣніи, иногда притворно ласковые, иногда откровенно злобные. Если мы прибавимъ къ этому лысющу щѣдину головы и жидкіе пепельно-сѣдые усы и бородку, то поргрѣть директора «Дѣлового Кабинета» на пласти Сентъ-Огюстенъ, будетъ законченъ.

Одѣтъ Павель Осиповичъ въ легкомысленную для его возраста сиреневую визитку съ красной гвоздикой въ одной петличкѣ и розеткой крупнаго иностраннаго ордена — въ другой...

Прямую противоположность своему патрону являлъ его секретарь, графъ Сергеѣ Аполлоновичъ Тихорѣцкій.

Высокій, стройный съ бритымъ, почти классическимъ лицомъ, онъ былъ одѣтъ съ выдержаннѣмъ вкусомъ, обладаю мягкими женственными манерами, а чешуя золотой браслетки охватывала запястье его холеної, съ длинными пальцами, руки.

Въ сѣдней комнатѣ открылась и закрылась дверь. Чье-то робкое откашиванье...

— Узнайте, кого тамъ чортъ принесъ? — хриплымъ полуушомъ сказалъ Колонна-Быдлинскій.

— Вѣроятно, Роксановъ...

Черезъ минуту Роксановъ вошелъ въ кабинетъ.

Это былъ очень длинный молодой человѣкъ съ крупными, рѣзкими чертами лица, густо заросшими колючей щетиной. Надъ высокимъ лбомъ — буйная копна черныхъ волосъ. Темное изжеванное пальто, короткіе измятые панталоны... Но ни убогий костюмъ, ни колючая щетина не могли скрыть хорошихъ манеръ молодого человѣка.

— Ну, какъ дѣла! дорогой мой? — покровительственно встрѣтилъ вошедшаго Колонна-Быдлинскій, добавляя съ широкимъ жестомъ — садитесь!

— Да, что тамъ, Павель Осиповичъ, какія мои дѣла?

— Да, да нашему брату — эмигранту несладко живется, — вздохнувъ «директоръ», вынимая плоскій золотой портсигаръ, не хотите ли папиросочку...

— Благодарю васъ, я, какъ вы знаете, не курю...

Милостивый приемъ былъ многообѣщающы. Роксановъ угадывалъ: онъ зачѣмъ-то понадобился Быдлинскому...

— Удивляюсь я вамъ, Роксанонъ, — сочувственно качая головой, молвилъ Павель Осиповичъ, — съ вашимъ образованіемъ, вашимъ французскимъ языккомъ, феноменальной памятью и «знатной» роднѣй, какъ хорошо могли бы вы устроиться!..

Глядя на «директора» яснымъ, открытымъ взглядомъ, молодой человѣкъ отвѣтилъ:

— Я то еще ничего, у меня хоть мансарда имѣется, правда, ни встать, ни сѣсть, но хоть крыша надъ головой... А, вотъ я знаю человѣка, — бывшій гвардейскій офицеръ, тремя языками владѣть безподобно, а имя — ну, совсѣмъ герой французскаго романа!.. Такъ надъ нимъ и крыши нѣть, ночуешь подъ аркою моста Александра III-го... И, вообразите, какая иронія судьбы — того самого моста, при закладкѣ котораго отецъ его, въ блестящей кирасирской формѣ, сопровождалъ Императрицу Александру Федоровну...

— Императрицу? — недовѣрчино перебилъ Колонна-Быдлинскій.

— Да, вѣдь, она же вмѣстѣ съ Государемъ и Президентомъ, Феликсомъ Форомъ положила первый камень...

— Гмъ... это, дѣйствительно, забавно... Отецъ на мосту, — а сынъ подъ мостомъ, — и Павель Осиповичъ хранилъ разсмѣялся собственному каламбуру, — а какъ его зовутъ, этого бѣднягу?

— Графъ Евгений Меранвиль-де-Сентъ-Клеръ, прямой потомокъ крестоносцевъ, завоевавшихъ Иерусалимъ и создавшихъ тамъ Орденъ Святого Лазаря...

— Вотъ какъ, это чертовски шикарно! — заинтересовался толстякъ, что-то соображая.

Надавивъ животомъ край стола, онъ потянулся пухлыми, короткими пальцами въ дорогихъ перстняхъ къ металлической подставкѣ, зажимавшей нѣсколько переплетенныхъ томиковъ...

— Тихорѣцкій!

Секретарь выросъ на порогѣ кабинета, успѣвъ вооружить глазъ моноклемъ.

— Прикажите, Павель Осиповичъ.

— Вотъ Готскій альманахъ. Отышите графовъ... какъ ихъ тамъ, Роксановъ?..

— Меранвиль де-сентъ-Клеръ, — повернулся молодой человѣкъ къ секретарю.

Тихорѣцкій перелистывалъ томикъ, бѣгло просматривая мелкій убористый текстъ.

— Есть. Нашель. Полторы страницы...

— Полторы страницы?.. Это очень хорошо! — одобрилъ Колонна-Быдлинскій, — знаете, Роксановъ, вамъ нѣть цѣны... Невужели, дѣйствительно, подъ мостомъ?.. А какъ онъ выглядитъ... вѣнчанность, возрастъ?

— Ну, Павель Осиповичъ... вы сами можете представить себѣ... арка подъ мостомъ — это не апартаментъ у Ритца... тамъ трудно выглядѣть особенно хорошо. Онъ считался однимъ изъ первыхъ красавцевъ въ гвардейскомъ корпусѣ... А лѣтъ ему... лѣтъ тридцать девять

— Великолѣпно-съ! А вы могли бы притащить его сюда?..

— Когда же именно?

— Чѣмъ скорѣѣ, тѣмъ лучше! Хотя бы завтра утромъ.

— Видите-ли, — замялся Роксановъ, — онъ самолюбивъ и гордъ, этотъ «человѣкъ изъ подъ моста»... Въ такомъ видѣ, какъ онъ сейчасъ, врядъ ли онъ согласится покинуть свое убѣжище... вотъ, если бы...

— Да, да, конечно, вы правы! Мы сдѣлаемъ такъ: — экипируйте его пока, на скромныхъ началахъ... Приличный, чуть-чуть поддержанній костюмъ и все остальное можно купить за гроши...

Съ этими словами, Колонна-Быдлинскій полѣзъ въ боковой карманъ сиреневой визитки, вытащилъ объемистый бумажникъ.

— Вотъ вамъ четыреста монетъ на приведеніе въ порядокъ вашего «крестоносца»... А сто франчей вамъ, — на черный кофе...

2. «Голосъ крови»...

Павель Осиповичъ успѣлъ приготовиться «къ экзамену». Осторожный, недовѣрчивый, имѣвшій основанія и къ тому и къ другому, онъ съ одинаковой строгостью «экзаменовалъ» и военныхъ и штатскихъ.

Свѣдущіе люди заполнили ему нѣсколько тетрадей весьма цѣннымъ матеріаломъ: это была лѣтопись свѣтскаго и гвардейскаго Петербурга за послѣдніе полвѣка до революціи, включительно.

Изъ этихъ тетрадей Быдлинскій легко могъ узнать, кто и когда командовалъ тѣмъ, или инымъ полкомъ, кто въ такомъ-то году былъ директоромъ департамента и кому и когда пожаловано было придворное званіе.

Павель Осиповичъ не разъ уличалъ во лжи и самозванствѣ тѣхъ, кто, въ эмиграціи, былъ не прочь принарядиться въ павлиньи перья: повысить себя на два, на три чина, приписать себѣ камеръ-юнкерскій мундиръ, или позолотить свою скромную, часто даже не дворянскую, фамилію громкимъ титуломъ.

Впрочемъ, весьма въ этомъ отношеніи строгій къ своимъ клиентамъ, «директоръ дѣлового кабинета» былъ чрезвычайно снисходителенъ къ самому себѣ: только очутившись въ эмигрантскомъ разсѣяніи, почель онъ «за благо» присоединить къ своей мѣщанской фамиліи Быдлинскаго, громкое, историческое имя древне-римскихъ патриціевъ «Колонна».

Онъ такъ и пояснялъ:

— Мы, Колонна, таряемся во тѣмъ минувшихъ вѣковъ. Мы дали Риму двухъ папъ и четырнадцать кардиналовъ.

До Парижа, Быдлинскій подвигался въ Берлинѣ, а до Берлина — въ Польшу, гдѣ управлялъ имѣніемъ княгини Вязьменской и до того «доуправлялся», что имѣніе разорилъ, а самъ едва не угодилъ въ тюрьму.

Наѣзжая въ Варшаву, онъ сорилъ деньгами, крупно игралъ въ сельско-хозяйственномъ клубѣ.
Впрочемъ, послѣ одной маленькой, но непріятной сценки на глазахъ у всѣхъ, онъ прекратилъ свои посѣщенія, перебравшись въ другой, менѣе аристократической клубъ.

Ему очень хотѣлось познакомиться съ большимъ магнатомъ графомъ Орловскимъ.

Разглѣбившись къ графу, Навель Осиповичъ представился:
— Колонна-Быдлинскій.

Магнатъ, улыбнувшись, послѣ некоторой паузы небрежно и нехотя протянулъ ему руку, отчеканивъ:

— Пирамида-Орловскій...

Ровно въ одиннадцать, Тихорѣцкій распахнулъ дверь и пропустилъ въ кабинетъ Роксанова и графа Меранвиля-де-Сентъ-Клеръ.

Первымъ впечатлѣніемъ Быдлинского было:
— Неужели это — «человѣкъ изъ подъ моста»?..

Твердой походкой, высоко неся маленькую, породистую голову съ соколинымъ профилемъ, входилъ красавецъ брюнетъ съ подстриженными черными усиками, въ костюмѣ, хотя и не первой свѣжести, но ловко облегавшемъстройную, съ тонкой талией, фигуру.

— Очень радъ познакомиться съ вами, графъ, — приподнялся изъ за стола Колонна, и неся свой большой животъ навстрѣчу, указалъ рукою на кожанное кресло, — садитесь, пожалуйста!

А вы, Роксановъ, поболтайте тамъ о чѣмъ-нибудь съ Тихорѣцкимъ.

— Вы, пожалуй, заинтригованы, графъ, моимъ желаніемъ познакомиться съ вами? Сдѣлать я это по двумъ причинамъ: первая — мнѣ нуженъ еще второй секретарь, такъ какъ одинъ Тихорѣцкій не можетъ справиться съ общіемъ текущихъ дѣлъ. Да, кромѣ того — на васъ у меня особые виды. Какіе — поясню вамъ немного позже... А, во-вторыхъ, когда-то, еще въ семнадцатомъ вѣкѣ, мы, Колонна, были въ родствѣ съ Меранвилями... понимаете... голось крови, такъ сказать...

Графъ молча, выжидательно склонилъ голову, не выразивъ ни отрицанія, ни удивленія.

— Вы, если не ошибаюсь, кирасиръ Ея Величества?

— Такъ точно.

— Я встрѣчался въ Петербургскомъ обществѣ съ вашимъ командиромъ. Онъ вышелъ вмѣстѣ съ полкомъ на войну. Такой крупный блондинъ... дай Богъ памяти...

— Генералъ Араповъ, — подсказалъ Меранвиль.

— А этотъ знаменитый скакунъ, такое славное русское лицо въ рябинахъ...

— Генералъ Плѣшковъ. Онъ теперь въ Холивудѣ, экспертомъ по русскимъ военнымъ постановкамъ...

— Скажите... Чудесно, вѣроятно, зарабатываетъ!.. Какъ же, какъ же, Плѣшковъ... А теперь, графъ, нескромный вопросъ: неужели ваше имя, связи, воспитаніе и прошлое гвардейского офицера, не могли вамъ обеспечить чего-либо лучшаго, нежели... нежели, — онъ не хотѣлъ сказать «ночлегъ подъ мостомъ», — нежели этого положенія, въ которомъ вы очутились?..

На это, господинъ Колонна, я вамъ отвѣчу словами, не помню чьими: «Въ каретѣ прошлаго далеко не уѣдешь»... Не чужбинѣ старья цѣнности не въ фаворѣ... Да, въ началѣ я и не могъ жаловаться. У меня было недурное мѣсто переводчика въ Трансатлантической пароходной компании. Началось гоненіе на иностранцевъ и я, въ буквальномъ смыслѣ слова, очутился «за бортомъ»...

— Да, это печально... Ну, а что же ваши родственники по французской линіи? Маркизъ Луи, живущій въ своемъ средневѣковомъ замкѣ на Луарѣ? Герцогиня Гортензія съ ея отелемъ возлѣ Булонского лѣса? — Быдлинский перечислилъ еще нѣсколько родственниковъ своего знатного собесѣдника, за полчаса передъ этимъ вычитанныхъ въ «Готскомъ Альманахѣ».

— Откуда вы ихъ всѣхъ знаете? — спросилъ Меранвиль.

— Я же вамъ сказала — «голосъ крови». Итакъ, неужели они не позабыли о вашей судьбѣ?..

— Ихъ забота выразилась въ томъ, что я два дня прогостила замкѣ маркиза Луи, пообщалась у герцогини Гортензіи и... вотъ и все....

3 На кончикѣ пера...

Завтракая, Навель Осиповичъ, какъ и всегда, впрочемъ, Ѳѣль много, жадно и неопрятно.

Челюстями онъ работалъ, какъ бульдогъ съ громкимъ чавканьемъ...

И, по мѣрѣ того, какъ удовлетворялъ Колонна свое чревоугодіе, его сиреневый жилетъ постепенно украшался жирными пятнами отъ соусовъ...

— Ну вотъ, перейдемъ къ условіямъ и, такъ сказать, къ самой сути вашей новой службы... Но сначала скажите мнѣ, графъ, какой грэнъ жизни повели бы вы, имѣя возможность тратить въ мѣсяцъ, ну... скажемъ... тысячу десять франковъ?

Откровенно говоря, — первое время, по крайней мѣрѣ, я жадно отдался бы удовольствіямъ, — и, какъ бы оправдываясь, Меранвиль добавилъ, — вѣдь у меня, у всего нашего поколѣнія, молодости не было... Въ тридцатомъ году я вышелъ въ полкъ, въ четырнадцатомъ — началась война. Потомъ три года

борьбы съ большевиками на югѣ Россіи, эвакуація, скитанія, нужда, порою нищета...

— Вѣро, вѣро, — соглашался Навель Осиповичъ, — мы хоть пожили въ свое время, а ваша трагедія — трагедія молодыхъ людей безъ молодости... Ну, ничего... наверстаєте! Я же задалъ вамъ этотъ вопросъ вотъ почему:

Главнымъ условіемъ моимъ будетъ именно то, чтобы вы жили въ свое полное удовольствіе. Выѣзжайте въ общество, посѣщайте премьеры театровъ, скачки, сами дѣлайте прогулки въ холмѣ въ Булонскомъ лѣсу, ну... однимъ словомъ, — и встрѣтивъ недоумѣвающій взглядъ своего собесѣдника, Быдлинскій пояснилъ, — читаю на вашемъ лицѣ вполнѣ логіческий вопросъ: хватить ли на все это вашего секретарского жалованія?..

Будьте скончайны — хватить!. Я положу вамъ десять тысячъ въ мѣсяцъ. Мало этого, я позову моему портному и онъ одѣнетъ васъ, начиная съ фрака и смокинга и, конечно, спортивнымъ костюмомъ для верховойѣзды... Чудакъ, благодѣтель, скажете вы?.. Ни то, ни другое: Тихорѣцкій нуженъ мнѣ для конторы, а вы — для свѣтскихъ знакомствъ, связей и, почемъ знать, быть можетъ, для весьма богатыхъ перспективъ, связанныхъ со всемъ этимъ.

Постучавъ ножомъ о тарелку, Быдлинскій вѣрѣлъ вошедшему такою принести бумаги и чернильный приборъ.

Мы съ вами напишемъ маленькое условище: если, благодаря мнѣ, или черезъ мое посредничество, вы сдѣлаетесь, вполнѣ легально, конечно, обладателемъ крупной суммы, — то ли въ деньгахъ, то ли въ недвижимости или драгоцѣнностяхъ... — я, Навель Осиповичъ Колонна-Быдлинскій, директоръ «Дѣлового Кабинета», 2 плясъ Сентъ-Огюстенъ, въ Парижѣ, дѣлаюсь собственникомъ пятидесяти процентовъ, вышеуказанныхъ материальныхъ цѣнностей...

Возьмите перо, я вамъ все это продиктую... а отсюда мы поѣдемъ прямо къ нотаріусу для засвидѣтельствованія этого документа...

Рука Меранвиля, потянувшая вмѣстѣ съ перомъ къ чернильницѣ, задержалась было на поль-дорогѣ... Какія-то смутныя колебанія, сомнѣнія остановили ее... Кто онъ, что за человѣкъ, этотъ съ наигранной медовой любезностью, тостякъ?.. Авантюристъ, или, можетъ быть, что-нибудь похуже?.. А вся эта странная комбинація съ фантастическимъ «десятитысячнымъ», секретарствомъ?..

Но нелогично колебаться графъ: тонкій завтракъ, изысканный вина, нарядная атмосфера моднаго ресторана, все это дѣйствовало такъ опьяняюще и такъ манилъ соблазнительный миражъ беззаботно блестящей жизни, нарисованный Быдлинскимъ, что всѣ колебанія тотчасъ же погасли и Меранвиль «твѣрдо» забѣгать по бумагѣ перомъ, на кончикѣ которого вмѣстѣ съ чернильной каплей, висѣла его судьба...

4. Богатая невѣста.

Донья Педроза Магацъ прїѣхала изъ Аргентины въ Европу съ двойной цѣлью:

Пріобрѣсти въ Берлинѣ новѣйшія модели усовершенствованыхъ мясорубокъ, а въ Парижѣ — выдать замужъ за какого-нибудь титулованного аристократа свою девятнадцатилѣтнюю дочь, Мануэлу.

Съ Бертиномъ было уже покончено: купленія машины стѣловаш по назначению въ необъятномъ, триюмѣ океанскаго парохода, а парижскій шапъ вдовы архимитѣона только наѣхалъ.

Донья Педроза унаслѣдовала отъ мужа гигантскую фабрику консервовъ, сотни тысячъ головъ рогатаго скота и такія же сотни тысячъ гектаровъ тучныхъ пастбищъ...

Жестянки подъ всемирно известной кличкой «Золотой Быкъ» въ теченіе четырехъ лѣтъ войны снабжали мясной пищею многочисленную армію Европы, увеличивая не по днямъ, а по часамъ и безъ того крупное состояніе аргентинскаго скотовода, чуть ли не въ самый день «армистиса» перешедшаго въ тотъ мѣрѣ, где пѣтъ ни консервовъ, ни быковъ, ни строптивой доньи Педрозы...

Въ своемъ апартаментѣ у Ритца, маленькая, полная аргентинка съ чудовищными британскими ушахъ, кутаясь въ яркую испанскую шаль, приняла Колонну-Быдлинскаго...

Онъ былъ, на этотъ разъ, весь въ черномъ и держалъ на колѣнѣхъ цилиндръ.

Я прїѣхалъ къ вамъ прямо со свадьбы. Тоже лѣто моихъ рукъ, донья Педроза: я выдалъ дочь стального короля Смиса за герцога Сальватора Габсбургскаго... Но, не будемъ заниматься чужими браками, поговоримъ о женщинахъ, для вашей прекрасной дочери. Я уже предупредилъ васъ, въ наше послѣднѣе свиданіе, это вещь далеко не легкая!.. Кромѣ титула, необходимы еще и порядочность, и воспитаніе... Я, въ этомъ отношеніи очень строгъ и требователь... Изъ моихъ горячихъ симпатій къ вамъ, уважаемая донья Педроза, я, на этотъ разъ, побить всѣ свои собственные рекорды... Не женщихъ, — а подлинная жемчужина...

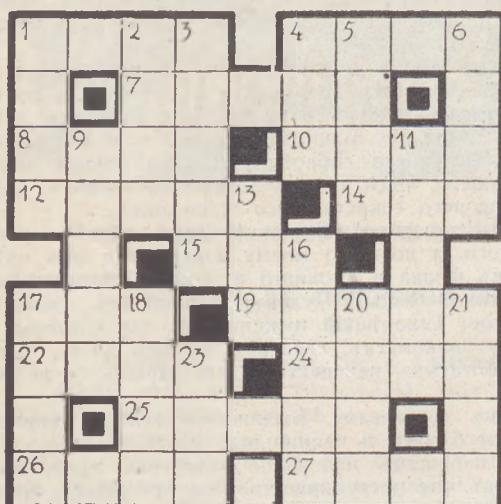
Кто же это?.. Кто?.. Вы меня заинтриговали, — и, лѣгкотѣлѣ, заинтригованная мамаша отъ нетерпѣнія заерзала въ крестѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Н. Н. Брешко-Брешковскаго.

КРЕСТОСЛОВИЦА

ЗАДАЧА № 505

Горизонтально:

1. Напитокъ. 4. Рѣка въ Россіи. 7. Центръ пропаганды. 8. Вѣжливое обращеніе въ Алжирѣ. 10. Героиня Ибсена. 12. Уменьшительное женское имя. 14. По немъ опредѣляется качество собаки. 15. Вызовъ. 17. Пріятный человѣкъ на кораблѣ. 19. Грузинское имя. 22. Сынъ Дедала. 24. Турецкое имя. 25. Женское имя. 26. Руководящий центръ. 27. Открыто.

Вертикально:

1. Слабый крикъ. 2. Одна изъ стихій. 3. Дерево. 4. Рѣка, названіе которой часто употреблялось во время великой войны. 5. Кража четвероногихъ. 6. Божество на востокѣ. 9. Происхождение рѣки. 11. Посуда. 13. Восточное имя. 16. Женское уменьшительное имя. 17. Спиртной напитокъ. 18. Наказаніе. 20. Библейскій прародитель. 21. Числительное. 23. Невольникъ.

Рѣшеніе задачъ №№ 503 и 504.

ТРЕБУЕТСЯ СТЕНО-ДАКТИЛО, знающая бухгалтерію, для завѣдыванія магазиномъ, не старше 30 лѣтъ. Серьезныя рекоменд. Хорошее знаніе фр. языка ОБЯЗАТЕЛЬНО.

Etablissements BLACK-RED, 22, Av. Alfortville,
CHOISY LE-ROY (Seine). Tél.: 667.

Русская КОНСЕРВАТОРИЯ въ Парижѣ

Российского Музыкального Общества

26, Avenue de Tokio (16), tél.: Kléber 82-54.

Почетный Предсѣдатель С. В. Рахманиновъ.
Почетные профессора А. К. Глазуновъ и Н. К. Метнеръ.

Директоръ кн. С. Волконской.

Пріемъ учащихся ежедневно отъ 2 до 7 ч. в.
Плата 100-150 фр. въ мѣс. — Дѣти 75-100 фр.

**ВЪ ОКТЯБРЬ
ТИРАЖЪ LOTERIE NATIONALE
Пріобрѣли ли вы уже билетъ?**

Почтовый ящикъ

Приводимъ условія, на которыхъ допускается участіе читательницъ и читателей «Иллюстрированной Россіи» въ нашемъ почтовомъ ящику:

1. Хотя предложенія вступить въ переписку будутъ печататься подъ инициалами

— Редакція должна имѣть въ своемъ распоряженіи точная фамиліи и адреса.

2. Письма, поступающія на имя объявителей, будутъ пересыпаться по назначенню только въ томъ случаѣ, если отправитель не живеть въ томъ городѣ, что и адресатъ.

3. Редакція оставляетъ за собою право не печатать такія предложенія, которые по духу своему, содержанію или стилю не соотвѣтствуютъ задачамъ «Почтоваго Ящика».

4. На пересыпку писемъ — прилагать французскія марки (для лицъ, живущихъ въ Франціи), международный почтовый купонъ со штемпелемъ.

За помѣщеніе объявленія установлена цѣна въ 20 франковъ за три раза. (или 14 международныхъ почтов. купоновъ со штемпелемъ).

съ интеллигентн. господ., материально обезп., не моложе 35 лѣтъ, любящ. дѣтей и тих. сем. жизнь Отвѣчу на каждое серьезное письмо. Желательна краткая біографія. Тайна гарантирована.

483

СЕРЕЗНАЯ МОЛ. ДОМА симпатичн., хор. воспит., жел. переписыв. съ серьезн. цѣлью съ б. офиц., интеллигентн., пріятной наружк., имѣющ. опредѣл. служ. или шоф. таксі.

480

Солидный, интеллигентн. господинъ, 50 л., жел. вступ. въ переписку съ русск. дамой, около 45 л., склонной къ сел.-хоз. труду и гот. въ близк. время выѣхать въ Парагвай.

482

Дама изъ Прибалтики, несостоят., но симпатичн., образов., вдова, 36 л., не «модернъ», съ 13-тилѣтнимъ сыномъ, жел. переписыв. съ серьезн. цѣлью съ одинок. интеллигентн. чутк., грезымъ господиномъ, любящ. семейн. уюгъ.

482

Однокій. православный, прожив. въ Парижѣ, очень хорошаго характера, 52 л. жел. войти въ переписку съ дамой, съ серьезн. цѣлью. Націон. безразлична.

482

Русскій парижанинъ, б. добровольч. офицеръ, представит., 32 л., хотѣлъ бы переписыв. съ русск. дѣвушк. для серьезн. цѣли, проживающей предпочтит. въ Польшѣ и хотитъ бы немногого обезпеч.

484

Русская англичанка: 29 л., одинокая, симпатичная, серьезн., трудолюб. и хор. хозяйствка, желала бы, путемъ переписки, познакомиться съ русскимъ лѣтъ 35-50. Желат. тих. права и любящаго сем. уюгъ. Интеллигентность и материальны. полож. никакого знач. не имѣютъ.

484

Бывшій офицеръ 38 л., совершил. однок. обезпечен. постоянн. службой на зав., вблизи Парижа, жел. вступ. въ переписку съ дѣвушк. или вдовой, думающ. о тих. семейн. жизни. Цѣль серьезн. Тайну переписки гарантирую.

486

РУССК. ЭМИГР. правосл., бывш. офицеръ, высш. образ., 41 г., на видъ 35. Чрезвыч. солидное полож. во Франціи. Просить откл. русск. дѣв., вдову лучш. общества, высок., хорошо слож.. симпат., изящ., культ., не старше 30 л. Очень желат. хорош. піанист. Имѣю шан. Отв. серьезн., обстоят. письм. съ фотограф., хот. возвр. Совершил. конфеденц.

486

Атласъ Пѣшкомъ — капраль въ легіонѣ, по возрасту судьбы вѣчный студентъ. Блондинъ высок., 24 лѣтъ, религіозн., изъ интеллигентн. семьи, полный силъ и энергіи, никогда не теряющ. надеждъ; — хотѣлъ бы переписыв. съ русск. дѣвушк. дамой или разведен. религіозн., нелегкомыслен. и интеллигентн. Отв. на кажд. письмо. Фотогр. обязат.

488

К. Е. Миловидн. лада, хорошей семьи, ср. лѣтъ, жел. вести переписку съ интеллигентн. симпатичн. человѣк. не моложе 40 л., обезп. имѣющ. хорош. службу. Отв. только на серьезн. предла.

488

Русскій серьезный господинъ 40 лѣтъ, жел.

вступ. въ переписку съ дамой или дѣвицей.

прожив. предпочтительно во Франціи и хот.

я бы немногого обезпечен. Возр. отъ 32 до

38 л., склонной къ сельско-хоз. труду и гот.

въ близк. время выѣхать въ Парагвай.

488

Націон. безразлична.

Серьезн. мол. даму контора «И. Р.» прос.

сообщить немедленно свой точный адресъ,

чтобы выслать, поступившую для нея корес-

понденію.

ФРАНКО-РУССКАЯ КЛИНИКА д-ра Г. ЭТТИНГЕРА
 168-ter, AV. DE NEUILLY, Neuilly s/S. — TEL.: MAILLOT 95-50.
 Постоянныя кровати. При клинике круглыя сутки находится врачъ. Консультация извѣстныхъ профессоровъ. Плага за содержаніе стационарныхъ больныхъ отъ 40 фр. въ сутки. Пріемъ роженицъ. Тщательный уходъ. Полный комфортъ. Рентгеновскій кабинетъ. Ультра-фiolet. лучи. Свѣтовыя ванны. Haute fréq. Диатермія. Курсъ общаго и частичнаго худѣнія. Справки лично и письменно по первому требованію.

Професоръ

Е. М. Вайнштейнъ

АКУШЕРСТВО и ЖЕНСК. БОЛ. (ХИРУРГІЯ)
 4, SQUARE THIERS (угл. 155, av Victor-Hugo), Passy 80-30.
 Пріемъ отъ 5-7 час. и по соглаш.

Пар. Ун. **Марія Ник. Сопрунова**
 Д-ръ Мед. **Марія Ник. Сопрунова**
 Моск. Ун. Берл. Ун. кл. пр. Штрасмана.
 ЖЕН. БОЛ. и АКУШЕРСТВО. Еж. 2-4 ч.
 11, Av. Motte-Picquet. Sécur 69-74.

Д-ръ ХМѢЛЕВСКІЙ Импер. Москов.
 Унів.
 ВЕРНУЛСЯ
 Внутр. и перви. бол. 12-2 и 6-8 час.
 36, rue Fondary-XV, Suffr. 43-90
 M-о Commerce et Motte-Picquet

Д-ръ мед. М. І. Гайдебурова
 ГЛАЗНЫЯ БОЛЪЗНИ
 61, rue Falguière. Seg.: 32-30
 Пон., ср., пятн. 5-7, вт., четв., суб. 3-5

ВСЪ ВЕДЕТТЫ

Всъ элегантныя женщины

УПОТРЕБЛЯЮТЪ ТОЛЬКО ЧУДЕСНЫЙ

КРЕМЪ КРАСОТЫ

Доктора Мюллера

ИЗГОТОВЛЯЕМЫЙ ИЗЪ ЧИСТЫШАГО МАСЛА
 И НАИЛУЧШАГО ПЧЕЛИНАГО ВОСКА

ЭТОТЪ ЗАМЪЧАТЕЛЬНЫЙ КРЕМЪ ПРИДАЕТЪ ИЗУМИТЕЛЬНЫЙ ЦВЪТЬ ЛИЦА,
 УНИЧТОЖАЕТЪ ПРЫЩИ ВЪ НѢСКОЛЬКО ДНЕЙ, А МОРЩИНЫ ВЪ ТЕЧЕНІЕ
 4-5 МѢСЯЦЕВЪ И РАСХОДУЕТСЯ ВЪ 10 РАЗЪ ЭКОНОМНѢЕ ВСЯКИХЪ ДРУ-
 ГИХЪ КРЕМОВЪ.

Высылка одного тюбика съ доставкой на домъ:

Во Франціи 8 франковъ. За-границей 10 франковъ.

При заказѣ прилагать деньги въ заказномъ письмѣ или чекомъ и адресовать:

SERVICE DE LA PUBLICITE «LA RUSSIE ILLUSTREE»,
 24, Rue Clément-Marot PARIS (VIII°)

Ставъ во главѣ О-ва Nixe,
 извѣстного своими первоклассными продуктами,
СЕРГЕЙ ХРИСТОФОРОВИЧЪ МИССИРОВЪ
 доводить до свѣдѣнія своихъ уважаемыхъ клиентокъ съ перемѣнѣ адреса.
BATON ANTIRIDES — испытанное средство противъ морщинъ.
 Внѣ конкуренціи — **Rouge à lèvres**.
 Всѣ Produits de beauté высшаго качества.
 24, Bd de Grenelle. Paris (15-e). Tél.: Suffren 35-39.

БОЛЬШОЕ
 ПОНИЖЕНІЕ ЦѢНЪ
 ●
 Посылайте
 продукты
 въ Россію

ГАРАНТИРУЕМЪ КАЧЕСТВО И ДОСТАВКУ
 ВЪ РОССІЮ ВЪ ТЕЧЕНІЕ 15 ДНЕЙ
 НЕОБХОДИМЬШИЕ ПРОДУКТЫ:

Чистый вѣсъ посылки до 8,5 кило

Цѣны за кило со
 всѣми безъ исклю-
 ченія расходами.

Мука пшеничная	4.70
Манная крупа	7.—
Гречневая »	5.—
Перловая »	4.25
Пшено	3.90
Рисъ 1 сортъ	9.—
Макароны, вермишель	7.—
Сахаръ-рафинадъ	9.50
» песокъ	8.50
Молоко сгущен. 1000 гр.	12.—
Масло сливочн.	21.—
» подсолнечное	12.—
Сыръ Швейцарскій	24.—
Сало топленое	22.—
Колбаса	26.—
Грудинка	19.—
Шпроты 300 гр.	8.—
Кильки 400 гр.	9.—
Скумбрія 250 гр.	4.50
Какао 250 гр.	16.—
Шоколадъ птигками 200 гр.	10.—
Чай 200 гр.	19.—
Кофе Мокко 1 кило	45.—
Мыло хозяйств.	10.—
Печенье 500 гр.	7.—
Варенье 500 гр.	7.—

Заказы и деньги могутъ высылаться :
 « La Russie Illustrée », 24, rue Clément-Marot, VII° — наличными, чекомъ или почтовымъ мандатомъ, или взносомъ на нашъ почтовый текущій счетъ № 671-81.

Если вы хотите помѣстить Ваше объявление
 въ «Иллюстрир. Россію», позвоните по тел.
 BALZAC 19-52 и къ Вамъ немедленно
 явится агентъ отд. объявлений.

Новые двойные тиражи 1934 г.

ФРАНЦУЗСКАЯ НАЦІОНАЛЬНАЯ ЛОТЕРЕЯ

Фр.

1 выигрышъ	5.000.000
20 выигрышей по	1.000.000
40 выигрышей по	300.000
80 выигравшей по	100.000
400 выигравшей по	50.000
400 выигравшей по	25.000
4.000 выигравшей по	10.000
40.000 выигравшей по	1.000
400.000 выигравшей по	200

Кромъ сего установлено 61 утѣшительныхъ выигрыша:

39 билетовъ того же номера, что выигравший 5 миллионовъ, но всѣхъ остальныхъ 39 серий, ВЫИГРЫВАЮТЪ по 100.000 фр. каждый.

2 билета той же серии, что выигравший 5 миллионовъ, но на одинъ № больше и на одинъ № меньше, ВЫИГРЫВАЮТЬ по 50.000 фр. каждый.

20 билетовъ, имѣющихъ тотъ же номеръ, что выигравший по 1 миллиону, но другихъ 20-ти серий, ВЫИГРЫВАЮТЪ по 50.000 фр. (1 милл. выигрываетъ одинъ номеръ двадцати опредѣленныхъ серий, а остальные серии этого же номера — по 50.000).

ВСЕГО 445.002 БИЛЕТА ВЫИГРЫВАЮТЪ 240.000.000 франк.

Нашимъ читателямъ мы продаемъ

КНИЖКИ (10 билетовъ)	за 1.000 франковъ
БИЛЕТЫ: цѣлый билетъ	100 "
Участіе въ 1/4 "	25 "
1/10 "	10 "

За границу на пересылку, почтовые расходы и гербовыя марки взимаются отдельно по каждому заказу 5 фр.

Выдача заказываемаго немедленно

Таблицу выигравшей послѣ тиража помѣщаемъ въ ближайшемъ №.

СТОИМОСТЬ ПРИНИМАЕТСЯ ВО ФРАНЦИИ ЧЕКОМЪ-ПЕРЕВОДОМЪ, ЧЕКОМЪ ИЛИ ВЗНОСОМЪ НА CHEQUES POSTAUX 671-81, PARIS.

ЛИЦА, живущія за-границей и не имѣющія возможности послать франки или же стоимость таковыхъ въ другой валюте, могутъ намъ посыпать международные почтовые купоны со штемпелемъ изъ расчета 1 купонъ = 1 1/2 ФРАНКА.

Всю корресп. направлять по адресу: «LA RUSSIE ILLUSTREE», 24, rue Clément Marot, Paris (8°).